

Последний демон рая

Сергей
Гвоздёв

Магия
Ночи ночей

Последний демон рая

Сергей Гвоздев

**Последний демон рая.
Книга 2. Магия Ночи ночей**

«Атанор»

2020

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Гвоздев С.

Последний демон рая. Книга 2. Магия Ночи ночей / С. Гвоздев — «Атанор», 2020 — (Последний демон рая)

ISBN 978-5-6044189-6-3

Увы, кровь невинных пролилась и эхо жертв открывает охоту на карателей. Вендетта набирает обороты, втягивая в водоворот всё ускоряющихся событий десятки и сотни жертв. И уже скоро в урочный час Ночь ночей может пробудить древнее Зло, пришедшее из Ниоткуда и не желающее уходить в Никуда... Но, несмотря ни на что, расследование продолжают мастер меча Кай-К-Кэн, клан Волка, и Ан-ньи, клан Кошки. И хотя острая сталь, время и магия подтирают следы карателей и на счастливый конец надежды мало, но остаётся всё же ещё призрачный шанс выполнить долг крови... С чего начать?

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-6044189-6-3

© Гвоздев С., 2020
© Атанор, 2020

Содержание

Пролог	6
3. Крыса	7
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Гвоздёв
Последний демон рая.
Книга 2. Магия Ночи ночей
Наталье посвящается

© Гвоздёв С. А., 2020

© Верстка, дизайн обложки. ИП Багракова Т. В., 2020

Пролог

Из «Истинной истории Империи Рая» т. 1, гл. 2

«...здоровье нации Империи Рая издревле стоит на родовых камнях клановых систем. Так, ребёнок, освящённый на родовом камне, обязательно получает некоторые важные характерные качества выбранного тотемного животного (Волка, Кошки, Змеи, Кабана, Вола, Крысы, Медведя, Орла и др.)...

...долголетие и крепкое здоровье даёт избранным чёрный Эликсир, источаемый парящим дворцом Императора в Столице Рая, что всегда являлось предметом зависти всех остальных королевств, покупающих его за золото...

...именно на всевидящую и неподкупную Инквизицию было возложено важнейшее дело обеспечения счастья и благополучия граждан Империи Рая. Все, кто не желает жить в гармонии и спокойствии должны быть безжалостно наказаны: заклеимены и казнены...»

3. Крыса

«...сверкнёт молния, и шагнёт вперёд благородная воительница, взяв четвёртый Амулет. И коричневым, как земля, будет тот камень в золотой оправе. И братьев наших младших она поведёт для Правого Дела, предначертанного этому воину с сего дня».

Из анналов Красной Церкви

«...и появится дочь насилия и похоти. И достанется ей коричневый, как грязь, Амулет. Будет она клыками и бичом дьявольским для людей и тварей божьих, и не сможет никто укрыться от взора её...»

Из предначертаний Небесного Культа

«Чёрная десятка». Так по обычаю, теряющемуся в годах, стражники называли команду смертников, чьи руки оказались в крови невинных жертв. По старой традиции ровно столько преступников помещали в чёрный, крытый жестью тюремный фургон. Плюс внутри стражники и огромный волкодав. Для пущей надёжности снаружи их сопровождали десятка два конников Стражей.

Чёрную десятку везли на суд Инквизиции и неминуемую плаху палача, но в этот раз от кары их спасли двое: дождь и Треух. Первый начал с утра громко барабанить по жестяной крыше, заглушая все звуки, да и убаюкивая мерно покачивающихся стражников. И Треуху-садисту из клана Крокодила удалось незаметно извлечь из запёкшейся раны на голове проволочку-отмычку. И уже без труда его ловкие руки рецидивиста тайно разомкнули общую цепь, которой были скованы все смертники.

Дюжий двухметровый серийный убийца из клана Быка одним ударом враз разнёс вдребезги хлипкую перегородку, а вторым жестом сноровисто свернул голову молодому стражнику-Волку возле двери.

Одновременно с ним матёрый убийца из клана Медведя сдавил толстыми волосатыми пальцами горло здоровенному волкодаву. Крупный пёс только пискнул, как щенок, под хруст своих шейных позвонков. А Медведь ощерил остатки зубов, выражаясь, как всегда, на редкость односложно:

– Наконец-то! Свобода! Ай да Треух-Крокодил...

Смертникам понадобилось только несколько минут, чтобы договориться о том, что кто будет делать во время побега. Так, не теряя времени, жилистые домушники-рецидивисты из клана Кота, бывшие акробаты, отперли всё той же отмычкой внутренний замок на двери и стремительно выпрыгнули прямо из недр фургона. Ловко перевернувшись в воздухе, они в миг долетели до сопровождающих сзади на расстоянии слишком близком, чем следовало по инструкции, чёрный фургон конвоиров. Ловко перелетев через головы коней они на лету сбив ногами с коней обоих всадников, ехавших вслед, упали вместе с ними в грязь дороги. Один из конвоиров при этом сломал руку и ребро, а второго сразу ушёл к предкам после сильного удара локтем в висок.

– Двумя меньше! Жаль кони сбежали! – подвёл черту старший Кот, и они побежали сломя голову к джунглям.

Не дожидаясь реакции основного отряда стражников, основательно промокших и трусивших на грустных конях впереди фургона, остальные матёрые уголовники прыснули в разные стороны от дороги.

Но также неожиданно побег подпортил заржавший конь конвоира, который, потеряв всадника, выразил своё недовольство неожиданно громко заржав. Стража, ехавшая спереди, лениво обернулась. Она остолбенела, разразилась проклятиями, развернула коней и бросилась

наконец выполнять свой прямой воинский долг. Жаль только, что это произошло несколько поздовато, так как смертники уже вырвались из клетки. И легче вернуть дым обратно в горящее полено, чем вернуть назад десятку отъявленных убийц и насильников, готовых буквально на всё, только бы не попасть на плаху и дыбу.

– Держи их! Ухо-о-одят!! – отчаянно закричал десятник-Кабан по кличке Игрок, вполне оправдывающий это прозвище.

В это время самый высокий из смертников, чернокожий верзила-грабитель из клана Крокодила, ломанулся влево, к широкой реке, так как прекрасно умел плавать. Стражники на конях почти перехватили его у самой воды и даже ранили стрелой в ногу. Но рана его остановить не смогла. Хромая, он длинно выругался, обламывая на ходу древко. И сжав зубы, нашёл в себе силы добежать до спасительной воды. И мягко, почти бесшумно, нырнул в набежавшую волну. Затем поплыл дальше не хуже рыбы, даже не показываясь на поверхность.

– Спасён! – радовался Крокодил, быстро отгребая от берега.

Он стремительно и легко, как настоящий крокодил, разрезал жёлтую воду, оставляя за собой только небольшую кильватерную дорожку слегка алой воды.

Её-то и почувствовали пираньи, мгновенно отозвавшись на запах крови. Крокодил поздовато заметил маленьких рыбёшек с большими зубастыми челюстями. Но заметив, поднажал из всех сил, стремясь доплыть до отмели в середине реки, где торчало толстое раскидистое сухое дерево. И почти успел. Он даже схватился за ветку.

Но вода запенилась, когда пираньи стаей налетели на Крокодила и стали рвать его на части, пьянея от свежей плоти. Через несколько кошмарных минут с садистом и развратником было покончено навсегда. Из воды только осталась торчать кисть правой руки, намертво зажавшая сухую ветку. Ниже её белела кость.

И всё.

Никто из всадников в воду за останками смертника не полез...

Девять

Большинство же рецидивистов бросилось гурьбой вправо к чаще джунглей, до которой оставалось меньше ста метров. Стражники открыли стрельбу из луков, и длинная стрела с ястребиным опереньем выбрала коротышку из клана Енота, лжесвидетеля и пирромана, поджегшего десяток зданий. Он бежал последним, задержавшись на несколько секунд, чтобы сорвать кошельки с поверженных конвоиров.

Жадность его и погубила.

Выпущенная из сильного лука, длинная стрела пробила его левое плечо насквозь, выйдя наполовину спереди. Енот дёрнулся вперёд, поскользнулся на глиняном бугре, скатился вниз, но тут же вскочил. И страх от смерти на дыбе Инквизиции помог ему добежать до спасительной чащи леса.

– Отрезай мерзавцев от леса! – закричал, срывая голос, Игрок, почти догнавший Енота.

Но он тоже при этом опоздал. Пусть даже всего-навсего на три секунды.

За это время девять оставшихся смертников шустро юркнули в плотные заросли колючек, не жалея ни одежды, ни своей сильно грешной плоти.

Кони охраны оказались настроены по-иному. Они протестующе ржали, отступая от острых, как бритва, колючек на кустах, вставали на дыбы. Для проформы стражники всё же погарцевали вдоль кромки леса, покричали, безрезультатно искали тропинок, чтобы проникнуть в переплетения лиан. А через несколько часов, выпустив в чашу весь запас уже бесполезных стрел, не солоно хлебавши, они обречённо потянулись в город. Ведь сейчас вместо уголовников будут наказаны за халатность они. И плетей не избежать...

Следующий день для беглецов прошёл удачно.

Но не для всех.

Банда смертников оголодав, пошла на продуманный риск, совершив стремительный набег на слишком растянувшийся по широкой имперской дороге-шляху, караван, который держал путь от восточной Заставы к столице Империи Рая. Пропустив охрану, уголовники стремительно выскочили из засады, затем профессионально разграбили последнюю повозку, похватав всё, что под руку попадёт.

И почти успели скрыться в чаще джунглей.

Но тут некстати подоспели охранники, и хоть стрелками они показали себя неважными, среди них оказался молодой боевой маг из клана Змеи. Наспех сплетенным заклинанием Шара огня пылающий шар размером с кулак настиг самого жадного, злосчастного Енота, уже имеющего одно ранение. Огненный боевой шар с лёгкостью прожёт тяжёлый мешок с добычей, который Енот упорно не хотел бросать и потому приотстал от остальных. Енота спасло только то, что шар наткнулся на металлические предметы, и они частично поглотили его энергию. И всё равно жар сильно повредил плечо и лопатку, нанеся глубокий ожог. Усталый, злой, а оттого и невнимательный, Енот, достигнув безопасной полянки, плюхнулся на тёплый камень, нагретый за день солнцем:

– Хоть погреюсь!

Погреться не получилось.

По глупой роковой случайности камень ранее облюбовала тоже любительница тепла, тонкая и очень ядовитая жемчужная змейка – амбасса, незаметная среди мха. Увы, яд из ягодицы никто отсосать почему-то не сообразил. А если и сообразил, то не подал виду.

И не прошло четверти часа, как от весельчака-рецидивиста Енота осталась только брэнная оболочка.

А бамбук вокруг всё так же потрескивал, будто посмеиваясь над редющей с каждым днём бандой: «Кто следующий?»

Восемь

Вся остальная грешная братия обессилено рухнула на траву, и, не разжигая костра, стала жадно рвать зубами добычу: свежие лепёшки, вяленое мясо и ароматную рыбу. Стараясь не смотреть в сторону распухающего трупа Енота, они решили не продолжать убегать от преследующих их стражей закона через всё более плотную чащу джунглей, а просто выйти к шляху. И там ночью сделать марш-бросок по удобной дороге, через несколько дней выйдя к восточной Заставе.

А потом, покинув негостеприимную Империю Рая, навсегда уйти в другие страны. Или затеряться среди бескрайних степей. Тем более, что среди добычи в обозе оказался мешок с оружием, добытый покойником Енотом, по лицу которого сейчас деловито ползали крупные красные муравьи. Несколько старых мечей, топоров, мачете и один потёртый лук с несколькими стрелами – вполне достаточно, когда они в умелых и безжалостных руках спецов чёрных дел.

– В империи Рая нам ничего не светит. А в степях нет законов! Нет пограничников и злобной Инквизиции! – страстно уговаривал колеблющихся соучастников смуглый до черноты Треух-Крокодил, прихвостень атамана-киллера Аспида из клана Змеи.

Аспид, как обычно помалкивал, ухмыляясь чему-то своему, исподтишка присматриваясь и оценивая каждого смертника, кто на что способен. В уголовном мире Аспид значился в авторитете, и пальцев на руках и ногах не хватило бы, чтобы сосчитать только доказанные жертвы его заказных злодеяний. Поэтому никому, конечно, даже в голову не пришло оспаривать его лидерство. Аспид, худой как червяк, хитрый и жестокий, являлся достойным представителем худших черт клана Змеи. Ведь любую Змею всегда легко узнать даже в толпе: их отличали вертикальные зрачки, неприятная способность редко моргать, маленькие ушки, лысая небольшая голова и манера не двигать глазами, а поворачивать голову...

Острый нож за пазухой и склонность к внезапным вспышкам беспричинной жестокости заставляла даже матёрых уголовников сторониться Змея-Аспида. Его же это вполне устраивало.

Утолив голод, братва повалилась в тёплую траву и заснула, как убитая. Никто не захотел идти в караул и сторожить пришлось младшему и самому слабому – Треуху.

– Отрепье! Неблагодарные паразиты! – проклинал он их вполголоса, дрожа от ночного холода рядом с лагерем.

Будущее виделось ему мрачноватым: среди них только покойник Енот, в прошлом охотник, хорошо знал, как выжить в этом зелёном аду зарослей, переплетенных лианами, колючкам и, как оказалось, ядовитыми неприметными гадюками. Остальные бандиты – городские жители, которые заходили в лес разве что только для пикников, укромных свиданий или для того, чтобы припрятать добычу.

– Ну и чёрт с вами! – решил он и сам завалился спать.

Проснулся «бдительный сторож» через несколько часов от манящего запаха приправ. Принюхавшись, он последовал по ароматной дорожке и обнаружил невдалеке костерок с двумя путешественниками. Он не стал приближаться меньше, чем шагов двадцать, откуда и присмотрелся к более опасному путешественнику: парню, скорее всего из клана Волка. Парень представлял собой лёгкую добычу: среднего роста, может быть немного выше среднего, обыкновенный Волк, подтянутый и жилистый, как и большинство из его клана. Он лежал на траве и тщательно чистил ножны одноручного меча. У Крокодила-Треуха разгорелись глаза, когда он увидел диковинный, драгоценный клинок из неземного металла. По острому лезвию время от времени пробегали синие искры, вспыхивали неведомые иероглифы, стекая, как вода вниз и потухая у рукояти. Аристократические ножны и заговоренный клинок, переведенные в груды серебряных монет представляли собой целое состояние. И будто сам Дьявол стал нашептывать ему в уши:

«Убей Волка. Спрячь меч. Потом вернёшься за ним. Тогда ни с кем делиться не надо. Девчонка для тебя не помеха... У тебя же лук. Отсюда не промахнёшься. Не упusti свой шанс... убей Волка...»

Треух облизнулся, завороченный тёмным потоком чужих мыслей, не видя, что над ним сзади зависла призрачная тень и простёрла над ним руки, заворачивая и внушая яд низких мыслей.

– Да. Такое упускать нельзя! – шепнул он себе, приготавливая лук.

Наложив стрелу, он прицелился: с двадцати шагов при наличии цели, которая спокойно лежала, скорее всего он сразит лежебоку с первого выстрела. Тщательно сосредоточившись и стараясь унять учащённое сердцебиение, он затаил дыхание, готовясь отпустить тетиву.

И тут ветер переменился и едкий дым от костра вытянулся к Треуху, резанув его по глазам. Навернувшиеся слёзы, застили цель и Треух опустил лук.

– Проклятье! Откуда здесь, в джунглях такая резкая перемена?!

Ветерок и не думал меняться. И Треух выдохнул воздух, в раздумьях.

– Значит, не фарт, – решил он окончательно, хоть и с сожалением. – Лучше позвать всю банду, получить хоть что-то, чем спугнуть лохов и остаться ни с чем.

Размытый силуэт чёрного демона над ним забурился от негодования и растаял.

Треух тихо-тихо пятясь, подался назад, к уголовникам. Кусты перед ним сомкнулись, прижатые его опытной рукой, а люди у костра так и остались в неведении о грозившей опасности.

Треух, стараясь не спешить тихонько вернулся в лагерь и с удовольствием грубо растолкал атамана. Аспид вскочил, вытаращив сонные глаза и, выхватив длинное мачете, махнул, едва не зарубил Треуха, который бдительно успел отскочит в сторону:

– А? Что? Кто?

Треух, ухмыляясь во весь зубатый, так похожий на крокодилий, рот, кивнул на восток:

– Там, неподалёку недавно прибыла парочка путников. Кони знатные, сумки толстые. Сами холёные, так и просятся на перо...

Змей не стал его хвалить и деловито распорядился:

– Будем брать живьём. Иди буди всех «братьев-разбойников». Только без шума.

Изогнувшись в дугу, банда стала окружать костёр, где парень из клана Волка, и девушка из Кошек разложили костёр и повесили на огонь котелок.

Треух уже с расстояния десяти шагов более ясно рассмотрел обе жертвы. Особенно драгоценный меч.

«Меч вельможи, манеры солдата», – завистливо оценил он.

Хотя нет, в Волке сразу чувствовалось нечто породистое, не смотря на то, что одет он был в простые просторные серые штаны и рубаху, избитые сапоги и потёртый зелёный плащ, какие носят пограничники. Лица не рассмотреть в сумраке и под широкополой запыленной шляпой. Волк, которого друзья звали Кэн, а по полному К-Кэн, зевнул, сонно потянулся и спросил у хлопчущей у костерка девушки:

– Скоро похлёбка-то будет готова? Только отъехали от Заставы, а я уже голодный...

– Как волк? Скоро. Вот вода только недавно вскипела. Дрова сырые, я извела их магическим жаром сушить. Да тут ещё и кажется, что кто-то вокруг бродит и магией повеяло...

Волк небрежно принялся:

– Всё перебивают твои едкие приправы. Да и откуда здесь большие хищники?

К-Кэн скептически хмыкнул, но спорить не стал: он магией старался не пользоваться и вообще больше уповал на добрый клинок и твёрдую руку.

Девушка, по имени Ан-ны, выглядела типичным представителем клана Кошки: среднего роста, мягкая и ловкая в движениях. Женственная, с высокой полной грудью, точёной фигурой и приятным голосом, а светлые волосы убраны почти все под капюшон. Из-под тени виднелся только низ лица: полные чувственный губы и мягкий овал подбородка, свежий румянец.

У Треуха так всё внутри мужское и взыграло, взбунтовалось, настолько она привлекала к себе внимание изяществом манер и манящей женственностью:

«Вот это будет приз-сюрприз для нас всех!» – раззадорился он, сглатывая.

Вот тут Треуху, отвлечшемуся на сексапильную красавицу-Кошку, и неожиданно помешалась коварная змейка амбассу. Он отшатнулся и... наступил на сухую ветку. Хотя хруст оказался и негромким, но его почуяли кони. Они тут же подняли головы прислушиваясь и тревожно поводя ушами. Потом один заржал, а второй стал бить копытами по земле.

Увидев, что эффект внезапности потерян, Змей сунул пальцы в рот. Залихватски свистнув, он заставил обе жертвы вскочить на ноги и на секунду застыть в неподвижности. Смертники тут же вывалили со всех сторон окружая путников, при этом зловеще ухмыляясь и прицениваясь к добыче. Трое сразу отрезали путь к побегу – к лошадям.

Аспид ухмыльнулся, развёл грязные руки, и зарычал, угрожая:

– Стоять! Для вас же лучше будет!

Восемь против двоих.

Но жертвы, видимо так не считали, и повели себя не типично, как положено вести себя жертвам при таком раскладе. Змей считал, что они должны были бухнуться на колени и умолять пощадить их, суетливо отдавая всё добро.

Вместо этого парень-Волк, в полголоса бросил Кошке на пограничьем диалекте, непонятном для бандитов:

– Исчезаем. Потом – здесь!

И тут же покати́лся кубарем влево, едва-едва разминувшись со стрелой Треуха, который спустил её на мгновение ранее. Подхватив поудобнее магический меч и ножны, Волк резко отшатнулся, уклоняясь от мощного удара топором наступающего Быка. Топор, пронесшись у самого его плеча, порвав одежду, едва не угодил в стоявшего рядом акробата-Кота, поскольку в сумраке рассчитать точную дистанцию оказалось не просто. Используя заминку, К-Кэн, низко приседая и вихляя, уклонился от укола в грудь Кота и быстро прошмыгнул между Быком и Котом. Блеснул магический клинок, и Волк нырнул в ночные джунгли, растворившись там, как сахар в воде. Пока Треух долгую секунду смотрел ему вслед, сожалея о желанном мече, высокий Бык как-то скособочился, заморгал и рухнул в траву. Затем с трудом встал на колени, держась за бок. С недоумением он смотрел, как сквозь пальцы сочится алая кровь.

– Мелочь... – храбрился он, скрежеща зубами.

Кот грязно выругался, зажимая длинную рану на предплечье, оправдываясь:

– Я же его пырнул! И даже царапнул. А он ка-а-ак шарахнет меня своим мечом по пальцам, что мой и выпал!

И спешно стал заматывать тряпкой кровоточащие пальцы.

У Треуха глаза расширились от удивления:

– Ого! Шустрый мечник!

«Как это парень так быстро смог нанести на бегу точные удары, отвлекая сразу двух врагов? Лихо!»

Хоть и сильно хромая, но медвежатник-Бык, специалист по сейфам и почтовым каретам, тут же ринулся к самой сладкой добыче – девушке-Кошке. Той была уготована роль жертвенной овечки, растрёпанной и извивающейся, плачущей и умоляющей остановить насилие, которое, как водится в таких случаях неизбежно. Если бы жертвы знали, как сильно слёзы заводят насильников и распаляют их похоть!

– Какой может быть отпор от такой крали? – скалил Бык крупные гнилые зубы.

Но «краля», стоя у края костра, подцепила носком сапога головешку и подбросила её прямо в лицо взывшему от неожиданной боли Быку. Он едва успел убрать голову от вращающегося полена, и оно только вскользь зацепило его по щеке, обжигая и осыпая искрами. Взыв, Бык ринулся вперёд и рубанул топором сверху, в ярости почти раскроив Кошке череп.

Почти. Потому что она вовремя присела под свистнувшим над головой тяжёлым лезвием. И тут же, сидя на корточках, Ан-ньи подхватила котелок с кипятком и выплеснула кипящую жидкость в лицо Быку.

Тут Бык резво, как молоденький телёнок, отпрыгнул в сторону и отделался обширным ожогом пальцев на руке. Ан-ньи оскалилась и метнулась в прореху, образовавшуюся после его отступления, и метнулась в тёмную чащу джунглей. Гибко, как истинная Кошка, она просочилась в дебри, ловко пробираясь между лианами и деревьями. Вслед за ней нёсся раскатистый каскад проклятий обожжённого Быка.

Змей-атаман крикнул, подзадоривая уголовников:

– У неё нет оружия! Кто хочет развлечься, может взять её. Без труда!

А сам ринулся ловить коней – самую ценную оставшуюся добычу. Опытный конокрад, он, изловчившись, схватил за гриву ближайшую лошадь и прыгнул к ней на спину. Набросив верёвку-узд, да ещё ударив кулаком между ушей, он заставил брыкающегося коня присмиреть.

Второй конь вздыбился, клацнув зубами и вырываясь из рук уголовного. Потом отпрыгнул в сторону и обрушился вниз, метя копытами в грудь ошпаренного и невезучего сегодня, как никогда, ошпаренного Быка. Хрустнули рёбра, и громила отпрянул назад. А конь победно заржал, схватил в зубы две сумки и ловко забросил их себе на спину. Затем он круто развернулся, сбил с ног крупом второго бандита, и выскочил на тропинку, по которой путешественники приехали сюда на ночлег.

И конь унёсся в ночь, только глухой стук копыт и стих вдали...

В это время Бык-медвежатник, которому осколок ребра, расколотого копытом, пробил сердце, умер ещё стоя. Он вытаращился, открыл рот, качнулся и грузно, как камень, рухнул лицом вниз прямо в раскалённые красные угли и языки пламени костра. Когда он зарылся лицом в красный жар углей, затрещало и едко запахло.

Но он даже не пошевелился.

Костер вспыхнул и потом, мигнув, почти погас, погрузив всю поляну в зловещий сумрак. Как будто тёмная душа негодяя, улетающая, прихватила с собой и жизнь костерка...

Семь

Матёрый толстый насильник малолеток, потомственный извращенец из клана Кабана по кличке «Хряк», поднял увесистый топор возле упавшего в костёр Быка. Наступив на его тело он, облизнувшись, ломанулся за убегающей Кошкой:

– Она моя. Сладкая девочка далеко не убежит! – крикнул он ей вслед, пугая.

Как и все Кошки, Ан-ньи хорошо видела в лесу, тем более, что он ей был знаком. Она сейчас находилась недалеко от своего селения. А ещё ближе располагалась яма-ловушка, куда угодил не так давно любитель «клубнички» Птицелов:

– Заманю подонка-Кабана в ловушку. Столкну вниз на кол... И там должно быть оружие Птицелова.

Хряк не имел такого отменного ночного зрения, как девушка из клана Кошек. Но ясно слышал, как она пробирается впереди него по ночному лесу, по которому невозможно пройти бесшумно, разве что, если ты птица. С широким боевым топором он легко прорубал себе дорогу и меньше цеплялся за каждую колючку, как приходилось безоружной девушке, снявшей тяжёлый пояс с оружием час назад у костра. Интуитивно приняв вправо, он начал нагонять и вдруг, выскочив на поляну, потерял добычу. Хряк недовольно забурчал под нос:

– Странно... Вот её след – примятая трава... А, она начала прыгать? Допрыгаешься, Кошка. Скоро я заставлю тебя и поизвиваться!

Его «послужной список» содержал шесть изнасилованных и удушенных девушек и девочек. И если бы не гениальная изворотливость Треуха, он уже болтался в петле или ворочал веслом на галере, прикованный к нему пожизненно...

Но где эта рыжая Кошка? Он зарычал:

– Ты будешь моей седьмой девушкой! Говорят, что «семь» счастливое число. Но не для тебя, красотка! – выкрикнул он в темноту, чтобы испугать девушку.

И она почти испугалась.

Как мог он очутиться так близко и так быстро?

Для неповоротливого толстого Кабана это казалось невероятным. Без ошибки отыскав вход в ловушку, она аккуратно спускалась по выемкам в стене на дно ловчей ямы. Внизу, на земле вокруг обитого металлом кола белел рассыпавшийся скелет. Луч луны скупо высветил смеющийся череп – в джунглях очень быстро от тела не остаётся ничего: грызуны и насекомые аккуратно подчистили всё, что могло быть съедобным.

Тут Ан-ньи ожидало разочарование: оружия не оказалось вовсе.

«Где меч и кинжал, которые должны были остаться на боевом поясе Красавчика? Кто-то побывал здесь раньше меня...».

Пояс валялся надгрызенным в том месте, где пролитая кровь привлекла мышей. А оружие перекочевало, видимо, в другие, более удачливые руки какого-нибудь охотника. Выбравшись из ямы, Ан-ньи всмотрелась в глубь леса: там царила только обычная суeta ночных джунглей:

«Где Кабан? Заблудился? Неужели всё закончилось?»

И она облегчённо вздохнула. Затем стала поправлять истрёпанную куртку, кое-где порванную вездесущими колючками. Теперь придётся немало потрудиться, зашивая разрывы.

Тут её сзади грубо ухватили за волосы, и сильная рука рванула назад. Над ухом взревел Хряк:

– Вот и всё, крошка!

Мир перевернулся, когда резкая боль вышибла из глаз слёзы. Через мгновение Кошка лежала на спине, а Хряк наступил ей на бедро, придерживая. Кабан слишком хорошо знал на своём опыте о противной привычке девушек пинать мужчину между ног. Поэтому прижимал её на земле, надёжно припечатав каблуком сапога. Потом покрутил каблуком, с удовольствием замечая, какую острую боль причиняет жертве вонзающийся сапог. А поскольку она не кричала и не умоляла его о пощаде, то это ему скоро наскучило:

– Ну что Кошка-норушка, думала, меня столкнуть в это яму? Я что, только вчера родился? Мой отец после каторги много чего рассказывал об охотничьих ловушках охраны! – раззадоривал он себя.

Хряк, привычно чувствуя, как изнутри поднимается знакомое алое пламя вождения, заставляющее его напрячься в сладком предвкушении безнаказанного насилия:

– Но сначала я тебя немножко стреножу. Да, обрежу поджилки! Или отрублю ногу, кхе-кхе...

Он примерился топором и замахнулся. Но удар не попал в цель: Кошка выпростала из-под себя ремень Птицелова и, приподнявшись, ударила Хряка в лицо увесистой пряжкой. Тут же, крутанув ремень, захлестнула им древко топора. И рванула обеими руками в сторону, поворачиваясь для увеличения силы.

Старый трюк пограничников сработал: лезвие топора со стуком вонзилось в толстый узловатый корень дерева рядом с Ан-ньи. Оружие промахнулось меньше, чем на палец, а из рассеченного лба у Кабана потекла кровь. Он отступил и схватился руками за рану на лице, стирая набегающую кровь. Выронив от неожиданности топор, он выхватил из ножен длинный охотничий нож. Сжав в широкой ладони удобную костяную рукоять, он зло хмыкнул:

– Ты, крошка, меня возбудила всерьёз! А каково будет отведать вот этого? – и он потряс сверкнувший сталью.

– Сначала достань! – прошипела Ан-ньи, спешно отползая на локтях назад.

Не давая ей подняться, Кабан навис сверху, пнув ремень, который змеей отлетел в кусты. И оскалил крупные зубы:

– А вот теперь мы перейдём к делу, милашка! – похотливо смерив её взглядом, он потянулся второй рукой к завязкам штанов.

Она же спряталась за коленками, стараясь исчезнуть от его взгляда хотя бы на мгновение, торопясь скрытно сплести пальцами хоть какое-то заклинание защиты. Вот только пальцы тряслись, и сплетение магии расплзлось, как прогнивший холщовый мешок. Поздно...

Изготовившись к насилию, Хряк шагнул к ней, похрюкивая от похотливого вождения:

– Да! Тебе это понравится, конечно, киска...

И тут на него сверху бесшумно спланировала большая серая сова. Она сразу рванула когтистыми лапами его лицо, разрывая кожу. Хряк с громким воплем боли отмахнулся ножом и точно попал по оседлавшей его голову хищнице. Острое лезвие разорвало её тело, лишь веер перьев разлетелся по сторонам. А когда они, кружась серым облаком, опускались вниз, то вместе с ними мягко и вкрадчиво, как сама смерть, спустились ещё три совы. Одна погибла тут же, упав с отрубленной головой. Но остальные безжалостно и точно атаковали его горло и глаза длинными острыми когтями. Разрывая в клочья лицо, глаза и шею, они быстро порвали артерии, и кровь брызнула фонтаном вверх, обрызгав низко висящие листья.

Хряк опустил руки и захрипел, теряя сознание. А через секунду упал на сухие сучья, слепой и беспомощный. И запоздало проклял свою похоть и нелепую смерть от когтей призванных Кошкой ночных хищниц.

Эхо от грузного падения заставило хищников прислушаться, принюхаться и потянуться на запах свежей крови...

Шесть

Когда Волк сбежал в лес, порезав Быка и Кота, по команде Аспида ближайшие к нему два акробата-Кота, и Треух-Крокодил ломанулись вслед.

Никто не должен был спастись и донести Стражам и Инквизиции о местонахождении банды смертников.

Как у всех Котов, у них имелось прекрасное ночное зрение, лучше, чем у сбежавшего Волка, поэтому они надеялись без проблем догнать его даже во густой тьме джунглей. Но не так-то легко оказалось настичь лёгкого на ноги Волка, да ещё если это оказались не выносливые Коты и неповоротливый Крокодил. Только благодаря своей неудаче они ловко срезали углы и смогли не потерять Волка в чёртовом сплетении джунглей. Так, через несколько минут преследуемый ими вплотную К-Кэн выскочил на прогалину. Там дымил, отгоняя насекомых, небольшой костер, и десяток фигур с посохами, бродили по кустам, собирая какие-то травы.

«Паломники», – догадался Волк по их плащам и белым верёвкам вместо поясов.

«Волк», – догадались они, глядя на его заостренные уши, несколько раскосые глаза и немного выдвинутую челюсть.

– Извиняюсь! – вежливо бросил он на ходу. – Потревожу вас немного, братья-пилигримы. Тут за мной какие-то бандиты гонятся. Поберегитесь...

И он на хорошей скорости пробежал, лавируя между ними, потом исчезнув среди лиан на другом крае полянки.

Едва он скрылся в чаще, как трое разбойников выскочили из леса, преследуя убежавшего. Старший Кот рявкнул:

– Загоняйте его вдвоём. А я тут пощиплю овечек-странников! Не пропускать же такой возможности!

На самом же деле Кот-отравитель впервые оказался так глубоко в ночном лесу и просто боялся бежать дальше. Странники оказались вполне лёгкой добычей и веской причиной отказаться от рискованного преследования сумасшедшего Волка. И Кот, как более старший по возрасту и тяжести совершённых преступлений, рассудил здраво:

«В темноте нечего делать на сук можно напороться... или на меч, бегая как шальной котёнок. А тут я пересижу, порежу святош и вернусь с добычей!»

– Что вы тут копаетесь, старичё? – стараясь говорить угрожающим раскатистым басом, он пнул согнутого над травой человека в сутане и легко сбил его с ног.

Затем привычно, как пристало матёрому вору-карманнику, сунул руку под рясу и сорвал кошелек. Также поступил и со следующим монашком.

– Вот-вот, люди божьи, помните: боги дали, боги и взяли!

Это показалось ему настолько забавным, что он громко рассмеялся, направляясь к единственно оставшемуся не обобранному худошавому старичку, скорее всего из Змеев. Он неподвижно стоял посреди полянки у костра, только тихонько покашливая время от времени. Подойдя поближе, Кот заметил, что один рукав в сутане пуст и заткнут за пояс, и скривился от отвращения. Он, никогда в жизни серьёзно не болевший, презирал физические недостатки, считая их уродством:

– Чё, «ботаник», нарвался на траву кусачую, собирая гербарий? Однорукий, да ещё и чахоточный?

Змей смиренно едва заметно кивнул головой, покашливая. Кот расправил плечи и подошёл к нему. Потом, издеваясь, нахально толкнул в плечо. Старичок даже не пошевелился, стоя, как столб. Кот моргнул, и ему вдруг стало не по себе. Внутри растёкся холодок предчувствия опасности:

«Что-то с этими странниками не то: не голосят, не молятся, не просят пощады? Тогда поступим, как всегда!» – решил он.

И рубанул мечом однорукого по шее, намереваясь разрубить диагонально на две половинки. Ударом, который так и назывался: «плащ монаха».

Но его удар встретил пустоту: старичок ловко перехватил единственной рукой его запястье и сжал пальцы, нажимая на болевую точку и едва не ломая захрустевшие кости бандита. Кот выронил меч и втянул голову в плечи: дело явно пошло не так, как надо?

По знаку однорукого с трёх сторон рядом с бандитом как из-под земли выросли молчаливые фигуры паломников. И в Кота с тихим хрустом прорезаемой одежды вонзились три чёрных лезвия длинных кинжалов. Каждый из них безошибочно нашёл какой-нибудь жизненно важный орган, даруя мгновенную смерть. Смерть с тройной гарантией.

Кот только ойкнул, и мир в его глазах померк. Колени ослабели. И он повис на клинках, как тряпичная кукла.

Однорукий устало сказал ему в лицо, наблюдая, как душа покидает тело и глаза подёрываются смертельной поволокой:

– Увы. Руку я потерял в конной атаке, сдерживая натиск конницы степняков под Мак-Хальмом. А кашель – после попадания стрелы при захвате леди Н. Ноффик в её замке на Каменной Горке...

Тело Кота рухнуло в траву, когда люди в капюшонах рывком вытащили из него клинки. Однорукий выпрямился и скомандовал, указывая длинным пальцем на фигуры:

– Ты и ты: следом за теми двумя. Пленных не брать.

Потом, когда остальные подбежали, спокойно скомандовал, улыбаясь возможности снова вступить в бой:

– Лекарственные травы оставить здесь. Ты – сторожить бивак. Остальным взять щиты и выдвигаться за мной.

И первым, вытащив чёрный кинжал, решительно шагнул в дебри, направляясь туда, откуда прибежали бандиты.

А Кот, лёжа на спине среди душистых трав, казалось, всё смотрел и не мог насмотреться мёртвыми, широко раскрытыми глазами в прекрасное звёздное небо, низко нависшее над ночными джунглями...

Пять

Магический меч К-Кэна легко рубил вязкие стебли лиан, расчищая дорогу. Он постоянно менял направления, стараясь поскорее оторваться от погони.

«Потом сделаю крюк и выйду к стоянке. Но эти негодяи прилепились, как банные листья к пятой точке, и никак не сбросить их со следа!»

Судя по звукам сзади, их стало на одного меньше. Но это могло означать, что третий направился куда-то в обход и теперь мог поджидать К-Кэна в любом месте...

Кот, бежавший рядом с задыхающимся и громко сопящим Треухом, время от времени замечал впереди спину беглеца-Волка. Кот держал в руках полутораметровое копьё, с которым не совсем сподручно бежалось по лесу, зато он уверенно почувствовал бы себя в схватке против меча жертвы. Да и лук Треуха не даст беглецу возможности приблизиться, чтобы ответить на удар.

«Не далеко он уйдёт, так спотыкаясь даже при том, что Волк. В темноте видит не ахти», – заметил Кот, ловко срезая углы.

К-Кэн, опередив погоню на несколько секунд, выскочил на узкую полосу травы перед огромным болотом. Оглянувшись, повернул вправо и побежал вдоль берега в надежде найти путь для переправы: какие-нибудь гати, насыпную дорогу, высокие вехи. Ничего такого и в помине не просматривалось в ясном свете луны. И когда он натолкнулся на отвесную скалу, возносящуюся на метров пять, то враз остановился, вспомнив упоминание об этом месте.

«Берег Тупика? Берег Тупика! Всё сходится. И пути дальше нет! Но где конец одной дороги, должна начинаться другая».

Кот первым выскочил к заросшему болоту, почти подступавшему к лесу. Хитрый Треух сделал вид, что споткнулся, пропуская энергичного, но тупого, как он считал, Кота перед собой. Справа раздался всплеск, и Кот метнулся туда, стал тыкать в мутную жижу копьём. Сзади подбежал Треух, переводя дыхание после бесконечного, как ему казалось, бега:

– Волк нырнул в болото? Он что, вообще с ума сошёл?! Там ведь полным-полно...

Кот его не слушал, быстро вонзая копьё в мутную воду:

– Плюхнулся где-то здесь, волчара. Пиявки его живо достанут, если только не моё копьё.

Треух произнёс громко, чтобы голос разнёсся над болотом:

– Да из лука я его продырявлю враз!

Он хотел выпустить в болотный туман стрелу, но тетива лопнула, оставив его ни с чем. Возможно, что пока продирался сквозь джунгли, её подрезало острой колючкой или веткой.

Треух иногда гордился тем, что происходил из клана Крокодила. Его тёмно-коричневая кожа с едва заметным зелёным отливом, и большая нижняя челюсть с острыми подпиленными зубами всегда выдавала хозяина в любой компании, останавливая горячие головы. Но и Стражи также легко отслеживали ему подобных, ведь царство Крокодилов находилось далеко на юге, а здесь, в Империи Рая они встречались редко. Поэтому едва стоило Треуху сгоряча зарезать того хвастуна из Кабанов, купца с толстым кошельком, как его миглом начала окружать Стражи. Он спасся, бежав из столицы Рая, примкнув к трём разбойникам, промышляющим на шляхе. Но недолго: через неделю они напали на горячего парня-Волка и нескольких крестьян. И вот эти лапотники убили в течение пяти минут всех его дружков, только Треух, которому в потасовке рассекли ухо, спасся. Удача окончательно покинула Крокодила, когда его через неделю выловили пограничники, напав на след после неудачного ограбления хутора. В следственной тюрьме ему воздалось сполна, пока он давал показания в безжалостных руках законников. И только на днях удалось сбежать, почти что попав в лапы Инквизиции, от которой прежде убегал мало кто...

Треух никогда не считал себя отчаянным храбрецом, но ночного болота он не боялся. Он боялся болотных крокодилов, которых чувствовал за версту. А эти, болотные, ещё к тому же оказывались всегда голодными.

Очень голодными.

Треух уставился в воду. И ему не понравился едва слышимый для опытного уха звук шлепков лап огромных крокодилов по грязи, спускающихся к болоту.

«Волк, видно, ещё не порезался, но пиявки скоро пустят ему кровь. Он сорвёт единственную и... крокодилы сделают всё за нас. Останется изловчиться и выловить меч с ножами, и я стану уважаемым членом шайки... Или махнуть куда подальше, ведь такой меч из звёздного камня стоит огромных денег!»

Пока обозлённый Кот бродил вдоль берега и непрерывно плескал копьём, ругаясь почём свет стоит, Треуха встревожили ещё какие-то посторонние звуки.

Ему внезапно стало не до надоедливых кровососов-москитов, и он, застыв с занесенной было ногой, прислушался, ведь что-то, а слух у людей его клана был отменным:

«Шум в лесу! Да и не один, значит это не Кот, который выпотрошил святых «овечек»? А что, если это они загрызли его и сейчас ломаются сюда? По мою душу?!»

Потрескивание сухих веток под ногами неопытных преследователей приближался с каждым мгновением. Треух подскочил к берегу болота и резко остановился, как будто его пере-
ехали по груди дубиной: из воды в упор смотрели едва заметные холмики глаз трёхметрового
болотного крокодила.

Треух в отчаянии рухнул на колени и, бросив лук, взмолился божеству: Великому зелё-
ному Крокодилу, заламывая руки:

– Братья-крокодилы! Ведь у нас один отец – Великий зелёный Крокодил! Разрешите
перейти на другой берег болота! Очень прошу, братья!

Едва слышный хриплый голос внутри него отозвался с иронией:

«Мы голодны. Можем и брата съесть. Ты вкусно пахнешь мясом».

Треух проклял тот увесистый душистый кусок ветчины, который съел на ужин.

Он в отчаянии огляделся: болото полукольцом подпирало со всех сторон, справа выси-
лась скала, а сзади всё ближе приближалась зловещая погоня. Погоня на охотников, вроде них
с Котом. И тут Треуха осенило:

– Я принесу вам жертву, братья! Это будет лёгкая и вкусная добыча. Живое мясо!

Глаза из болотной ряски не мигая посмотрели в сторону копыеносца-Кота.

«У него острое железо. Больно».

– Он будет без железа. Я всё сделаю для вас! Только пропустите на тот берег.

«Иди. И отдай его мясо нам».

Треух подбежал к копыеносцу и показал пальцем вдаль вправо:

– Он там. Смотри!

– Где?

И когда Кот повернулся к нему спиной, ударил по затылку скользким холодным камнем.

Вырвав из рук упавшего копье, Треух толкнул Кота в воду. Ногой подтолкнул его
подальше от берега и сноровисто отпрыгнул назад, от греха подальше. Тина закипела, и тело
утащило под воду.

А ведь Кот никогда и в страшном сне не мог себе помыслить, что погибнет в самой нелю-
бимой всеми Котами среде – в глубокой «мокрой» воде, к которой он всю свою непутёвую
жизнь приближался очень и очень осторожно.

Воистину, неисповедимы тайны путей наших...

Четыре

Треух подбежал к кромке, озираясь: две фигуры в сутанах, вооружённые длинными кин-
жалами, осторожно выходили, крадучись, из леса. И скоро они зажмут его в смертельные
клещи.

А болото молчало.

Очень зловеще молчало.

– Что ещё не так?! Я же отдал вам жертву! – чуть не плача взмолился Треух, находясь
на грани истерики.

«Мало. Я не один».

Треух в ярости ударил по воде кулаком, вскочил и метнул копьё в приближающегося
справа монаха. Тот оказался не новичком и легко уклонился, продолжая неумолимо прибли-
жаться, как ни в чём не бывало, спокойно поигрывая лезвием длинного кинжала.

– Я застрелю вас обоих! – в отчаянье вскинул Треух лук, надеясь, что в темноте они не
заметят отсутствие тонкой тетивы.

Оба остановились и заколебались, тихо советуясь.

А он торопливо шептал в сторону болота:

– Будет вам жертва! Даже двойная! Один сидит в воде. А эти монахи полезут за мной и попадут к вам в пасть. Пропустите меня, иначе я сдамся им, а вы останетесь ни с чем. Совсем ни с чем. Голодные!

Молчание оказалось недолгим:

«Три за одного тебя? Хорошо. Ты же наш брат по богам. Беги по серым кочкам прямо и у сухого дерева сразу влево».

Странники стали опять приближаться.

– Тогда почему не выстрелил раньше, разбойник? – холодно спросил один из них.

И они разом бросились на него, стараясь отрезать от болота.

Тот, который слева, подобрался и едва не достал лезвием Треуха, целя в сердце. Треух отчаянно замахал луком и отделался порезом руки. Бросив в приставучего странника древко, он выгадал одно мгновение, затем прыгнул вперёд и поскакал по серым кочкам, молясь Великому Крокодилу, чтобы не поскользнуться. Тогда даже его зелёные братья, давшие обещание, могут оказаться забывчивыми и полакомиться человечиною, самой свалившейся в их пасть.

Ближайший странник метнул камень, которым Треух уложил Кота, и тот ощутимо чиркнул по голове убежавшего, едва не опрокинув в воду.

Второй монах, который казался повыше ростом, подобрал полы рясы и ринулся за Треухом следом, ловко перескакивая с кочки на кочку, и быстро догнал беглеца. Догнав, он замахнулся для последнего удара, но кочка, на которой он стоял, вдруг ушла под воду. Странник, охнув, погрузился в воду вместе с ней – это оказалась голова крокодила. Хороший пловец, он быстро махал руками, пускаясь вплавь до близкого берега. Вот только несколько скользящих по воде «брёвен» устремились наперерез к пловцу, которого не спасло его умение. И тот скоро исчез, мгновенно захлебнувшись криком в глубине тёмной маслянистой воды.

Треух в это время продолжил путь, занятый только собой. Он через минуту пересёк болото и с другого берега глумливо закричал в сторону уцелевшего странника:

– Ну что, взяли? Святоши долбанные!

В ответ на его голос прилетела стрела, царапнув по бестолковой голове и надо же – по злосчастному уху-обрубку. Треух зашипел от боли, схватился за голову и ещё быстрее побежал под прикрытия мрака джунглей.

«Идиот! И чего орал? Кто же знал, что у него найдётся запасная тетива?» – попрекнул он себя и шмыгнул вглубь джунглей. Потом, перевязав кусками рубахи раны, направился влево, стараясь не шуметь:

«Там должна быть река. И на плоту – куда угодно!» – торжествовал он побег на свободу.

Жаль, что река оказалась совсем в другой стороне.

В противоположной...

К-Кэн с первобытным ужасом вслушивался, как неподалёку хрустели кости в мощных челюстях крокодилов, и жертвы исчезали в чёрной глубине. Сам он отсиживался, поднырнув под широкий лист какого-то раскидистого болотного растения, время от времени погружаясь в воду и дыша через полые ножны от меча, когда рядом проходила смерть: Кот или Треух.

«Что же последний путник не уходит?» – недоумевал К-Кэн.

Странник как будто слышал его голос. Он направил клинок оружия на К-Кэна и решительно зашагал к нему. В это время со стороны болота К-Кэн со страхом слышал тихое журчание воды и увидел приближающегося крокодила, его неподвижные глаза и ноздри. К-Кэн как можно тише погрузился вглубь, так как выбор был невелик. Стоило попробовать пересидеть в воде, надеясь на то, что болотное чудовище его не заметит.

Но нервы не выдержали:

«Лучше пасть от клинка, чем быть съеденным болотной тварью!»

Вода заволновалась, и он вынырнул оттуда, решившись на всё, только бы погибнуть в борьбе на суше.

Но на берегу обстановка резко поменялась: выскочивший на берег четырёхметровый крокодил набросился на стоявшего у кромки воды странника. Чудовище сомкнуло челюсти на ноге не успевшего отскочить странника. К-Кэн мгновенно оценил обстановку и развернулся к лесу убежать.

Но становился.

«Враг моего врага – мой друг» – мелькнули у него давние слова отца.

Он вздохнул и прыгнул назад, к страннику. И еле-еле дотянулся кончиком меча, нанося укол в глаз крокодила, тащившего упиравшуюся жертву в болото. Меч легко выколол глаз, и крокодил от боли широко открыл пасть, заревел странным голосом, потом снова решительно закрыл её. Но не до конца: К-Кэн успел вставить ему в челюсти как распорку ножны своего меча. Потом толчком ноги оттолкнул неудачливого странника на траву, извлекая его ногу из капкана пасти. Огромный крокодил едва не сбил его с ног хвостом, разбушевавшись. Но с прочной распоркой-ножами ничего не мог поделать и, пятась назад, скрылся снова в воде.

К-Кэн оглядел ногу потерявшего сознание странника. Её до колена здорово пожевала острыми зубами эта болотная тварь. Сплетя наспех заклинание Остановки крови, он наложил жгут, перевязал рану куском полы сутаны странника и огляделся. Над болотом клубился редкий туман, с надрывом зловеще закричала вдалеке выпь, заблеяли лягушки-быки. И где-то рыскали остальные бандиты...

«Я об этом ещё пожалею, что так теряю время», – тягостно подумал он, затыкая меч без ножен за кожаный пояс.

Потом со вздохом взвалил увесистого, как оказалось, странника на плечи и понёс его к биваку, где монахи собирали травы. Дорога, которую он пробежал так быстро, оказалась бесконечной, когда пришлось тащить на себе увесистого раненого, потерявшего сознание.

Дойдя до места, он осторожно положил раненого на траву. И выглянул на полянку. У костерка ходил кругами с кинжалом наголо коренастый монах. К-Кэн вполголоса позвал его:

– Эй! Здесь раненный из твоей компании. Я вам не враг, принёс его и ухажу. Рана тяжёлая, но до свадьбы заживёт.

Облегчённо переведя дыхание, он вытер пот.

«А теперь самое время искать Ан-ньи».

Но уйти не удалось: из леса выскочил смертник-Бык и метко метнул копьё, пригвоздив К-Кэна к стволу дерева. Копьё прошло вскользь, чиркнув по ребру и пробив мышцы на боку. Выхватив из-за спины длинный двуручный меч Бык нацелил остриё в грудь юноши. Копьё сильно сковывало приколотого им к дереву Волка, и тот только ценой раздиранья вширь раны на боку спасся от удара в сердце. Бык, заметив странника с кинжалом, развернулся к нему:

– Ты, волчок, повиси здесь и никуда не уходи. А я пока пришью этого черносутанника. Что-то он слишком на прихвостня Инквизиции смахивает!

«Добро никогда не бывает безнаказанным», – с горечью подумал К-Кэн, чувствуя, как стекает по боку из обширной раны кровь.

Он начал расшатывать копьё, но бросок Быка оказался мощным и дело продвигалось медленно.

А Бык разбушеввался вовсю: длинный полутораметровый меч с редкой гардой в форме головы льва давал колоссальный выигрыш в сильных руках громилы. Да, Бык и раньше никогда не слыл ангелом. Он попал в лапы Стражей по причине пьяной драки, в которой он размозил головы двух соседей, а третьего проткнул вилами, оставив висеть в овине до прихода утреннего дозора. Он со своей недюжинной силой с детства обожал увесистое длинное оружие, будь то дубина, оглобля, топор или меч. И, имея в руках такой дивный двуручник, просто наслаждался игрой боевой стали. И решил поиграться с последним противником, разрубив его на куски.

Но странник оказался на диво увёртливым, хотя долго это продолжаться не могло, конечно.

«Убегай в лес, где он тебя не догонит!» – крикнул бы К-Кэн страннику.

Но если тот убежит, громила тут же займётся им.

Вплотную и навсегда.

Так как древко не расшатывалось, К-Кэну пришлось скрипя зубами от раздирающей боли вырезать кусок одежды и своей плоти из бока, перерезав мышцы, чтобы слезть с лезвия. От потери крови стала кружиться голова, и он только молился, чтобы Талисман на его груди помог продержаться ещё немного, заживляя рану. Совсем немного.

«Убегать. Скорей убегать!» – стучало в голове.

Он сжал рукоять меча и побежал... к Быку. В глазах мелькали пятна, он не соображал, куда бежит. И по ошибке ринулся к смертнику. Странник увидел его через плечо напавшего Быка, что заметил и громила. Решительно рубанув, он рассёк тому сутану, рубаху, куртку, пояс, и кровь хлынула из длинной косой раны на груди. Странник упал. Он попытался встать, но снова рухнул, обессиленный в траву.

Потом Бык развернулся к К-Кэну:

– Сам пришёл! Не дождался?

Услышав голос Быка, К-Кэн поднял голову, поморгал, сфокусировал на нём зрение, потом пошатываясь развернулся и побежал обратно под защиту леса. Бык заворчал и грузно затопал вприпрыжку за ним, вскинув меч вверх.

– Стой! Стой, тебе говорят!

К-Кэн, убегая, сгоряча не заметил лежащее тело пожёванного крокодилом монаха. И споткнулся об него. И упал, едва успев опереться руками об землю.

– А-ха! – стиснув зубы, рубанул сверху Бык, настигая его.

Он вложил этот удар в темноте всю свою недюжинную силу, собираясь разом разрубить обоих: верткого Волка и лежащего монаха.

– Вот это будет подвиг! – ликовал он в кровавом безумии, застилавшем ему разум.

И... резко остановился: его длинный меч врубился в сплетение ветвей на высоте трёх метров и застрял. Бык решительно рванул и вытащил его, заноса на сей раз пониже.

А К-Кэн качнулся к нападавшему и быстро воткнул тому меч снизу-вверх между рёбер. Провернул и вытащил. Потом проткнул опять, уже для страховки.

– Для такого бугая это никогда не лишнее, – справедливо рассудил он.

Потом, вытерев пот, обессиленно опустил, роняя меч. Немного переведя дыхание, стянул повязку на своей ране, туго забинтовав. Устало вздохнув, подошёл к раненному мечом Быка монаху. Перевязав полосой сутаны рану на груди второго странника и сплетя заклинание Остановки крови, присел на минуту. Кровь, конечно, полностью не остановилась, но стало литься в два раза меньше. Потом встал и пошёл по лесу, с трудом соображая, куда идёт.

Как только он покинул место схватки, из чащи неслышно высунулись две рослые гиены. Одна, приблизившись к мёртвому Быку, осторожно принялась к телу. Потом почти любовно облизала кровь с его лица длинным шершавым языком. Мягко ступая, подошла и вторая. Они переглянулись, прислушиваясь. Потом жадно набросились на тёплое тело, разрывая мягкие ткани кусками и жадно глотая.

А в руке Быка остался намертво зажат столь любимый им меч с гардой в форме головы льва, которому было суждено изменить навсегда историю всей Империи. А не ржаветь и рассыпаться во влаге джунглей рядом со скелетом бандита...

Три

В это время шесть монахов во главе с Одноруким осторожно окружили стоянку, где Аспид и Орёл дожидались возвращения остальных бандитов. Аспид пребывал в спокойствии.

Ведь если даже все остальные бандиты погибнут или попадут в сети Стражей или Инквизиторов, то она вряд ли станет охотиться на одного-единственного беглого смертника. Орёл ведь вполне может, да и должен, отойти к предкам сегодня ночью?

Аспид посмеивался про себя:

«Я так и думал: мозгов ни у кого так и не оказалось. Зачем увлекаться преследованием? Ну не настиг за минуту – тогда просто вернись. Так ведь нет, надо ещё и покуражиться перед остальными, выставив себя героями! Вот и пропадайте, как ослы, ни за понюх табака...»

Орёл же, оставшись на стоянке вместе с Аспидом, нервничал за двоих, поглядывая на вожака искося. И когда тени у кромки леса зашевелились, и оттуда раздался жёсткий голос Однорукого, Орёл подпрыгнул на месте так высоко, как будто и вправду хотел взлететь.

– Инквизиция! Вы окружены! Положить на землю оружие! Стать на колени!

Однорукий ещё не договорил фразы, а Орёл при упоминании о беспощадной Инквизиции мгновенно вскочил на коня и вонзил ему в бока каблуки. Конь заржал, взметнул рыхлую землю подковами и поскакал вперёд, удачно вырвавшись из кольца окружения.

Аспид выхватил меч и затравленно огляделся. Он привык драться и побеждать один на один, как и положено дорожному киллеру. А тут из темноты выдвинулся почти десяток людей в рясах, вооружённых кинжалами. И почти у всех в другой руке находился небольшой круглый щит – надёжная защита от его меча.

– Всё! – подвёл он черту своей жизни, отдавая отчёт, что его ждёт только казнь. – Но прихвачу-ка я на тот свет ещё хоть кого-нибудь! На этот раз – бесплатно.

И он, не дожидаясь пока зажмут со всех сторон, кинулся влево на ближайшего врага. Инквизитор принял сильный удар на щит и тут же сделал ловкий выпад длинным кинжалом, ранив Аспида в плечо. Киллер отпрыгнул и грязно выругался. Он сместился в сторону и бросился на соседнего странника, имея мизерный шанс кого-то сбить с ног и сбежать в чашу. Несмотря на то, что света от костра было немного, Инквизитор не пропустил стремительного укола в живот. Более того, он расцарапал смертнику лицо кончиком клинка. Монахи подступали всё ближе. Аспид громко расхохотался:

– Да вы тут все трусы! Десять на одного! Есть среди вас хоть один мужчина с настоящей кровью вместо холодной воды, как у всех Инквизиторов?

– Есть, – раздался сбоку спокойный голос.

И к нему шагнул Однорукий. Инквизитор кашлянул и вложил кинжал в ножны, оставшись безоружным перед лицом беснующегося уголовника.

Аспид, не теряя драгоценного времени, бросился вперёд, сжимаясь для быстрого выпада и укола в грудь сумасшедшему инвалиду. И когда между ними осталось всего два метра, Однорукий выпростал из-под сутаны руку, швырнув навстречу киллеру сеть, сплетенную из женского волоса и серебряной нити. Раскрывшись, сеть накрыла нападающего с головой, укутав прочными ячейками. Меч прошёл сквозь ячейку и не дотянулся до груди неподвижно стоящего Однорукого всего на одну ладонь. Аспид сам наступил на край прочной сети и, запутавшись, рухнул на помятую траву.

Громко завыв как смертельно раненный зверь, киллер, извиваясь, закричал:

– И ты, чёрная крыса, думаешь, что поволочёшь меня на аркане на свой суд?

С диким смехом безумия, он задёргался в сети, не в силах поднять запутавшиеся руки. Потом его тело сотрясла конвульсия. Аспид захрипел и вскоре затих.

Однорукий присмотрелся к нему и равнодушно пожал плечами:

– Ты нам весь и не понадобится, подонок. Нам вполне хватит и одной головы...

Он повернулся к монахам и объяснил:

– Он откусил сам себе язык: умер от болевого шока и захлебнувшись своей же кровью.

Вскоре они ушли с поляны.

А лживый язык матёрого лгуна и киллера достался чёрной крысе, которая уволокла его в свою нору...

Два

Фальшивомонетчику и рэкетиру из клана Орла с конём повезло просто удивительно. Конь оказался чрезвычайно сильным – он сумел проломиться сквозь плотные кусты и выскочить на открытое пространство, которое оказалось узкой тропой. Выходя из джунглей, тропа заплетляла между высоких холмов вдоль реки.

– Пошёл! – кричал на коня Орёл, вытащив нож и покалывая коня в шею. – Всё равно тебя придётся зарезать, чтобы выжить здесь.

Конь как будто понял его и добавил хода. И они понеслись по всё более сужающейся тропе, нависающей на высоте пяти метров над рекой. Орёл с опаской поглядывал вправо, на такой близкий пятиметровый обрыв, где мелкие камешки сыпались вниз, в тёмную воду.

Фальшивомонетчик и рэкетир, он попался, как считали все преступники, «случайно». Даже став богатым, он не смог вовремя остановиться на изготовлении фальшивых золотых монет и грабеже незащищённых торговцев. Как было написано в протоколе, «при задержании он оказал сопротивление, убив лейтенанта Стражей, который находился при исполнении служебных обязанностей». И это была только полуправда. Рэкетир Орёл «забыл» в очередной раз поделиться награбленным с этим лейтенантом Стражи, и тот, прихватив в помощь капрала Кабана по кличке Игрок, явился в притон Орла истребовать наличные. Точнее, когда лейтенант и капрал Игрок зажали Орла в угол, и тот, защищаясь, вытащил короткий меч, то Лейтенант неловко споткнулся, слишком увлёкшись «задержанием крупного фальшивомонетчика и известного рэкетира».

А вот капрал Игрок, рыло которого тоже было в пушку, не сплеховал. Он, воровато оглянувшись, тут же сильно толкнул офицера в спину. Рухнув, капитан угодил прямо на клинок растерявшегося рэкетира. Игрок отобрал у ошалевшего от ужаса Орла оружие и заорал, пугая:

– Где деньги? Быстро выкладывай! Ещё быстрее!

Орёл знал, что за убийство офицера Стражи его ожидает смерть или пожизненное рабство на галере. Поэтому, выкупая у Игрока путь к бегству с места преступления, он безропотно тут же выложил всю имеющуюся у него сегодня наличность. И её оказалось немало. Игрок же оглушил расслабившегося преступника профессиональным ударом кулака в челюсть. Потом преспокойно добил раненого капитана, порезал на себе мундир, испачкал его кровью из нескольких царапин и... сдал рэкетира патрулю, прибывшему на подозрительный шум.

– А вякнешь что в суде, так умрут все твои домашние, – шепнул Игрок рэкетиру при аресте.

И Орёл обречённо молчал, очутившись в сыром каземате для смертников. Да, крупный рэкет не проходит без крови, и ему для приговора хватило бы и своих преступлений, но убийство офицера гарантированно обеспечило уже скорее не галеры, а значительно ближе к петле палача.

А капрал Игрок успешно поднялся на ещё одну ступеньку, получив повышение жалования и отпуск. Увы, деньги Орла не пошли впрок, и он их быстро спустил в карты и кости. Случайно оказавшись командиром конвоя «кровавой десятки», он, видимо, исчерпал свой хилый запас удачи, и теперь сам сидел на хлебе и воде в подземелье, гадая, сколько плетей ему назначит командование Стражей.

Он помалкивал, надеясь на мягкое наказание: ведь надо же было начальству хоть на кого-то свалить вину за побег стаи матёрых рецидивистов. Старшие офицеры знали, что по правилам в сопровождении фургона должно было быть в два раза больше стражников, но командование задействовало «лишних» для охраны своего собственного корпоративного банкета.

Поэтому, как всегда, начальство делало вид, что страшно и праведно разгневано, а провинившийся Игрок скромно молчал и тоже вполне натурально делал вид, что искренне раскаивается.

Наказание оказалось, как он и ожидал, чисто символическим. Рука руку моет...

В это время вторично сбежавший рэкети́р Орёл нёсся, оглядываясь, по узкой тропе на коне. Неопытный наездник, он благодарил теперь Аспида:

– Как здорово, что киллер оседлал и взнуздal коня, без него пришлось бы туго! А Аспид и так выпутается! Наверное,...

Он стал успокаиваться, надеясь, что погоня, не имея лошадей, не сможет его настигнуть. Но он не мог знать, что конь, на котором он сидел, оказался особой породы и способности – друхгант. И конь кое-как понимал речь людей. Поэтому неосторожное высказывание на предмет того, чтобы зарезать коня на мясо, не могло его оставить равнодушным. И друхгант решил проблему просто, по-лошадиному, учитывая нож всадника почти у своего горла.

На самом верху тропы, когда рэкети́р начал успокаиваться, конь «нечаянно» ступил мимо тропы, и они мгновенно рухнули вниз.

Конь отчаянно заржал. Сердце в груди у фальшивомонетчика оборвалось от ужаса, и он, забыв дышать, ударился об воду. Они так и тонули в облаке мелких воздушных пузырьков, а дна всё не было и не было.

Коню, видимо, пришлось ещё хуже, так как он не подавал признаков жизни, и только течение реки медленно шевелило длинную гриву. Орлу стало не хватать воздуха и он, бросив коня, всплыл. Выбравшись на противоположный берег, он бессильно упал на песок. Услышав плеск сзади, испуганно подскочил:

«Погоня? Так быстро?»

Но это оказался его друхгант, который, выплыв к другому берегу, вышел из воды и отряхнулся. Орёл не верил своим глазам:

– Ведь был неживой! Вот мерзавец!

А «неживой конь» тем временем издевательски, как верно показалось рэкети́ру, заржал и поскакал обратно в сторону джунглей.

Орёл со странным чувством, что его обманули, заторопился прочь от реки в поисках хоть какой-то дороги.

Через нескольких часов блужданий по лесу рэкети́р вышел-таки из густого леса.

– Хоть тут повезло! – обрадовался он, потирая руки.

Ещё бы, ведь перед ним в обе стороны простирался широкий шлях.

– Что дальше? Как втереться в доверие к проезжим? – ломал он голову.

И придумал. Это было легко.

Теперь осталось дожидаться одинокой повозки, что на такой оживлённой дороге оказалось делом простым. Услышав скрип колёс, он улёгся поперёк шляха, сделав вид, что лежит без сознания. Сквозь ресницы он увидел, как телега остановилась, с неё спустился проезжий, который осмотрел лежащего и потормошил. Рэкети́р прекрасно разыграл пробуждение, и позволил мужчине помочь ему взобраться на телегу, гружёную тюками с сеном. Орёл рассыпался в благодарностях:

– Благодарю вас, добрая душа. Пусть боги будут к вам и вашим родным благосклонны!

И они тронулись. Орёл прикидывал, присматриваясь искоса к сидящему рядом пожилому мужчине, клан Змеи:

«Пришью его на привале. Свидетели мне ни к чему, а пока разыграю лоха для развлечения».

Неразговорчивый возница вскоре вытащил фляжку и поболтал содержимым у уха – оставалось около половины. Смертник, облизнув пересохшие губы, вдруг вспомнил, что целую вечность тоже не пил, и сильно толкнул его локтем в бок:

– Потерпишь. Дай сначала мне!

Возница покорно кивнул и подал флягу ему. Бандит выпил всю полностью, упиваясь властью над понурым крестьянином. Вода оказалась отменная, да ещё и с приятным настоем мятных трав. Вернув пустой сосуд, он расслабился. Телегу подбросило на ухабе, и он мельком взглянул на свежее тавро, выжженное на его запястье левой руки, которой он ухватился за верёвку, чтобы не выпасть. И отсутствие мизинца, чтобы преступник не мог колдовать.

«Можно было бы начать новую жизнь, если бы не клеймо уголовника... как его вывести?».

Незаметно он стал дремать под монотонную тихую песню крестьянина. Проснулся оттого, что телега остановилась. Не раскрывая сонных глаз, проямлил ватными губами:

– Далеко ехать ещё?

– Да уже приехали.

Рэкетир с усилием открыл глаза и огляделся: телега стояла на обочине, и кони тут же с хрустом занялись поеданием травы. Сонно зевая, он лениво прикинул:

«Пора валить возницу. Закопать его, переодеться и начать новую жизнь. Заново и без ошибок».

Он медленно потянулся к острому ножу и тут окончательно проснулся. Оказывается, пока он спал, его крепко связали и лишили оружия.

Возница расстегнул длинный плащ, под которым он оказался одноруким. Кашлянув, он вытащил из ножен чёрный кинжал Инквизиции и приложил его к горлу убийцы:

– Слазь. Становись на колени.

Орёл, хныкая от огорчения, что жизнь сделала такой резкий поворот, неловко спрыгнул и брякнулся на колени:

– Вы не имеете права: вот так просто заколоть первого попавшегося гражданина! Должен быть приговор, и палач!

Однорукий молча махнул рукой, и из леса вышла группа странников-Инквизиторов. Один нёс на плече двуручный меч с гардой в форме льва. Рослый Инквизитор остановился у смертника, взял в руки меч и застыл в ожидании команды, преданно поглядывая на Однорукого.

Однорукий устало улыбнулся. Но в этой улыбке явно недоставало теплоты:

– Вот тебе и палач. Узнаёшь меч Быка? Не хочешь ли исповедаться перед казнью? Я ведь тебя по клейму на ладони сразу узнал. Да и описание каждого сбежавшего смертника нам раздали. Ты – последний из беглецов. В рапорте отметим, что смертник Орёл при задержании оказал упорное сопротивление, не желая сдаваться. Вот и пришлось нечаянно убить. Как ты не пожалел того офицера Стражи. Так? Может, обойдёмся без формальностей и приступим сразу к казни?

У рэкетира навернулись на глаза слёзы. Он зачистил, торопясь и захлёбываясь словами:

– Что вы, что вы, господин Инквизитор! Как же без исповеди?! И я ведь кое-что такое важное для вашего агентства знаю! На днях у костра ночью подслушал: об адских талисманах, чёрной магии, монахах...

Однорукий заинтересовался:

– Вот как? Ты полагаешь, что это действительно интересно для дела святой Инквизиции? Бандит не в шутку обрадовался, почувствовав, что есть шанс на спасение:

– Да-да, господин хороший! Это действительно очень-очень важное государственное дело! Я могу всё-всё рассказать, если помилуете!

Однорукий заколебался. Он помолчал и через минуту кивнул:

– Если это точно окажутся важные новости про происки нечисти, я тебя отпущу. И дам два часа времени, чтобы скрыться. А теперь говори.

И Орёл вздохнул поведал всё, что сумел расслышать, когда Треух рассказывал Аспиду то, что он подслушал из беседы двоих путешественников у костра:

– Да-да! Это самая что ни на есть нечисть! Монахи какого-то там культа зачем-то совершили набег на два селения у восточной Заставы и всех поголовно вырезали. Спаслась только эта женщина из клана Кошки. Её настиг монах-чародей, с которым она всё же расправилась, столкнув в ловушку. Так ей повезло вдвойне: когда монах отправился в мир иной, на её шее появился странный Талисман. Дьявольский дар, не иначе! Это важно, господин?

Однорукий пожал плечами:

– Трудно сказать. Продолжай, грешник.

– Да-да, всё самое важное ещё впереди! Сей богопротивный артефакт принёс Кошке магическую способность общаться с любыми птицами и даже со своей лошады. А также он быстро заживлял раны владельца. Дьявольски быстро. Ведь всем известно, что наши хорошие боги никогда не торопятся излечивать нас! А тут – раз, и раны закрылась! Ясно, что это есть происки демонов! Так вот, совсем недавно, в схватке с посланцем Империи её попутчик, из Котов или Волков, победил этого чиновника, похитившего Кошку. И надо же – победитель тоже стал носителем демонического Талисмана после смерти посла! Второй Талисман оказался более полезным, так как он принёс в дар владельцу навыки ловкого фехтовальщика. Удивительно, но я своими глазами видел, как он за одну секунду уделал нашего матёрого парня, Быка и Кота-акробата. За одно мгновение! И сам скрылся в лесу. За ним побежали трое, но не вернулись. Наверное, нагнали его и...

– Всё? Маловато, – строго сказал однорукий. – Ничего определённого. Какие особые приметы этих носителей нечисти?

Рэкетир скис, не решаясь признаться, что толком не увидел лиц путешественников и стал придумывать на ходу:

– Нет-нет, господин! Есть и ещё кое-что для вас полезное! Женщина – это толстенькая такая особа, лет тридцать, лицо круглое, как у всех Кошек, брюнетка, глаза чёрные, губы полные, всё время лыбится, картавит. А второй, если поточнее, из Котов, Волков, или Орлов... Среднего роста, лицо в оспинах, шрам на щеке, хромота. Их вам легко будет найти... Им известно только то, что селения уничтожили некие монахи.

– Монахи? Откуда? Какой культ? – заинтересовался Однорукий.

– Они якобы не знают. Посудите сами, милостивый господин: все свидетели погибли, а они отсиделись на одной из Застав и теперь ищут следы, чтобы отомстить за родичей. Подумайте только, какой интерес эти штучки-Талисманы представляют для Инквизиции! А если есть ещё подобные магические артефакты с ещё более мощными дарами? Это действительно важная тайна и стоит моей никчёмной жизни! Вы ведь обещали, да? Да?

Однорукий помолчал в томительном размышлении. Потом медленно кивнул:

– Да. Инквизиция никогда не нарушает своих клятв. Ты свободен и у тебя есть два часа.

Палач молча разрезал верёвки и толкнул смертника на землю. Тот упал, больно ударившись, но тут же вскочил и, не оборачиваясь, побежал к лесу. При этом Орёл торжествовал, не таясь:

– Жизнь продолжается! Да за два часа я буду за пять километров отсюда, да ещё в такой глуши, что только стервятники и найдут меня!

И он оказался полностью прав.

Убегая и тщательно запутывая следы, рэкетир забрался в такую редкую глухомань посреди девственных джунглей, что и сам запутался и заблудился.

Но он не унывал, радуясь, как заново рожденный. Смертник присел в усталости на упавшее дерево, вытирая пот:

– Здесь меня ни Инквизиция, ни Стражи не найдут. Никогда!

И опять оказался прав.

Посидев немного, он почувствовал слабость и ему стало трудно дышать. Потом вздрогнул и упал без чувств в гнилые сучья.

Собрав волю в кулак, он сумел проползти ещё с десятков метров. И больше не поднялся, так как через минуту умер от сердечного приступа.

А вскоре его уже рвали стервятники, которые только и нашли его, как он и пророчествовал совсем недавно.

Рэкетир сам того не ведал, что яд в крови человека, выпившего отраву из фляги агента Инквизиции, через несколько часов свалит его. Насмерть.

А где-то далеко, на шляхе, Однорукий потёр лоб, покашливая:

– Наврал, подлец, в три короба. Ведь у Кошек всегда голубые глаза, тёмных не бывает. И к тому же, что это за бред: «кони разговаривают»?

Потом аккуратно вычеркнул имя Орла из списков разыскиваемых беглецов:

– И воздастся каждому по грехам его...

Один

Треух уверенно пробирался по лесу, стараясь перемещаться по еле заметным охотничьим тропам, ведущим куда угодно, как оказалось, но только не к шляху. Крокодил отбивался от москитов и был уверен, что доберётся до Заставы и сумеет прошмыгнуть через неё. К вечеру он вышел к ручью и основательно подкрепился знакомыми дикими ягодами, плодами и чистой водой.

– Теперь главное, это не наделать новых ошибок, – твердил он себе под нос.

Переночевав на тёплых камнях, он побрёл дальше вдоль ручья, так как тут хотя бы не приходилось всё время продирается сквозь кусты. И вскоре вышел к обрыву, где ручей падал с высоты на камни, вливаясь в другой ручей. Звериное чутьё заставило его оглянуться, и он на мгновение опередил удар дубиной, которая неминуемо размозжила бы ему череп.

Крокодил отшатнулся и пнул ногой нападавшего. Это оказался такой же оборванец, как и он сам. Низкорослый отощавший Енот с безумным блеском в глазах снова накинута на Треуха:

– Мясо! Мясо! – хрипел он.

– Ты что, людоед? Стой! У меня есть еда! – привычно соврал Треух, спасая свою жизнь.

Енот остановился, учащённо дыша и кривясь:

– Отдай или убью!

– Да, сейчас, – с готовностью отозвался Треух, припёртый спиной к десятиметровому обрыву.

Он сделал вид, что полез за пазуху за едой, а сам быстро скакнул вперёд, хватаясь за поднятую дубину сумасшедшего Енота. Тот не удержался на ногах, и они покатались, пытаясь вырвать оружие друг у друга. Потом Треух сообразил, что в таком ближнем бою от дубины толка мало и выпустил её. Взамен этого он стал остервенело бить кулаками Енота куда придётся. В какой-то момент Енот всё же изловчился и двинул его концом дубины в лоб, расцарапав его. Треух отшатнулся и вдруг почувствовал, как захватило дух: они падают с обрыва вниз, на камни.

И похолодел от ужаса, застыв в ожидании неминуемого удара.

Также застыла в ожидании, может быть и сама Смерть, пришедшая за последним из смертников. Ещё несколько мгновений и...

Удар потряс Треуха своей силой и ввергнул смертника в небытие.

Смерть усмехнулась и забрала душу погибшего,ломавшего шею при ударе об острые мокрые камни.

Это была душа Енота.

Удар пришёлся на безумца, и Смерть из прихоти взяла его, увидев в этом выбор богов.

– Живи, – усмехнулась Смерть. – Я приму бродягу в жертву вместо тебя. Так даже будет интереснее.

И зря.

Явно, что это не светлые боги и не для светлых дел уберегли прожжённого садиста Треуха.

Это оказались происки Демона, который совсем немного подправил падение и спас нужного ему преступника.

Преступника, который распахнёт врата ужаса Ночи Ночей.

Не остались в стороне от происходившего и светлые боги.

Когда Инквизиция ушла от кострища, прихватив с собой голову Аспида и двуручный меч с гардой-львом, светлые боги воспользовались трещиной между мирами, который открыл Демон. А пока она постепенно закрывалась, успели магически направить поток воздуха на место стоянки К-Кэна и Ан-ньи. Тогда ветерок послушно подул в нужном месте и в нужном направлении мягко, но настойчиво. Он раздул едва живой уголёк, чудом не затоптанный Одно-руким и агентами Инквизиции. Разгораясь, пламя нехотя стало лизать сухие веточки и траву. Это было немного, но достаточно, чтобы кони, блуждая по лесу, тут же учуяли запах дыма и потянулись к кострищу.

К-Кэн в это время, обессилив от потери крови, ходил кругами по лесу, сам толком не соображая, куда направляется. Да, Талисман очень активно заживлял раны, но потеря крови оказалась такой большой, что даже при его помощи восстановление продвигалось медленно.

«Где ты, хозяин?» – услышал К-Кэн внутренний голос своего коня-друганта.

– Здесь. Вдоль ручья. Вниз. От странников-монахов, – бессвязно ответил К-Кэн, зажимая закрывающуюся рану.

Через несколько минут рядом с ним остановился его конь. Прихватив зубами за одежду, он помог хозяину взобраться на спину, а вернее скорее затолкал его туда. К-Кэн поник и опустил, обняв его за шею.

«Только не заснуть, только не заснуть... Только не...» – твердил он, не давая себе погрузиться в омут забытья, после которого уже не возвращаются в этот мир. Так он продержался ещё десять бесконечных минут, опираясь лишь на силу воли.

Прибыв на стоянку, он застал там Ан-ньи, не намного опередившую его. Она промыла его раны перевязала, наложив повязки потуже. И, укрывшись плащами, они, наконец заснули, надеясь, что в такой сумасшедшей ночи им ещё не скоро удастся побывать.

На рассвете К-Кэн на месте ран обнаружил только вполне прочные шрамы. Ан-ньи усмехнулась, готовя завтрак:

– Ну, хоть теперь ты веришь мне, что Талисман действительно быстро заживляет раны?

«И что кони разговаривают?» – добавил Кусаим, норовисто топнув копытом.

Кони под Ан-ньи и К-Кэном скакали быстро, ровно и без тряски на протяжении нескольких часов. Казалось, что усталости они не знали. Первой не выдержала девушка:

– Давай остановимся на отдых, иначе мой зад скоро будет всмятку.

За едой он К-Кэн осведомился:

– Ты говоришь, что этот подонок Красавчик как-то хвастался, что он бог меча? Он был правша?

Она повспоминала и уверенно ответила:

– Да, определённо.

– Это здорово! – оживился К-Кэн. – А я левша. И теперь смогу орудовать обеими руками!

– Почему ты так уверен? – усомнилась она.

– Странно, но эта уверенность во мне настолько сильна, как будто кто-то шепчет мне на ухо.

Ан-ньи сразу насторожилась:

– С этими голосами будь поосторожнее. Я пока не поняла, для чего эти магические Талисманы предназначены. Они явно из одной серии: одинаково быстро лечат раны, они невидимы для всех, защищают от боевой магии, позволяют общаться со своими лошадьми и дают в придачу главный Дар. Это как управление птицами у меня и владение клинком для тебя. Чего создатель этих Талисманов хотел добиться, создавая их именно такими?

К-Кэн пожал плечами, нарезаая хлеб:

– Может быть, они просто такие и есть, без всякой скрытой цели. Как, к примеру, топор или вилка. Я не любитель магии, но возразить против наличия чудес не могу.

Перекусив и набрав свежей воды, они направились по шляху в сторону столицы Рая.

Проезжая мимо поворота на свою деревню, Ан-ньи натянула поводья, останавливая коня, и сказала К-Кэну:

– И всё-таки во всём происходящем есть некий скрытый смысл. Кто-то нам помогает. И каждый Дар нам просто необходим сейчас и в будущем.

– И на что он годится твой Дар общения с птицами? – разочаровано осведомился К-Кэн, – чирикаешь с ними?

Ан-ньи не обиделась, а звонко рассмеялась, когда на её ладонь спикировала пичужка:

– Птицы много что могут вспомнить. Они только кажутся беспомощными «чирикалками». Сейчас мы пройдемся с ними по окрестностям, и они подскажут и покажут, где мои поселяне припрятали в своё время деньги на чёрный день. Им они уже не понадобятся, а для нас они станут средством для мести.

И она отправилась с чашу в окружении облака птиц. Это смотрелось просто невероятно – облачко чирикающих, каркающих и ухающих пернатых вокруг неё. Они вились и стрекотали, бросив все дела, уже вполне счастливые от того, что Ан-ньи была ими довольна. Будто лесная королева со своими подданными шествует по лесу!

К-Кэн покачал головой, стряхивая воспоминание, преследующее его, как наваждение: обнажённая Ан-ньи рядом со сражённым мечом Красавчиком:

«Да что я, влюбился в неё, что ли? И имею ли я право на нежности телячьи? Сначала месть, а потом уж буси-пуси... Любовь – это горная река, в которую легко прыгнуть, но трудно выбраться. И в любом случае, поток немало протянет тебя вдоль берега и потреплет по камням».

Он подошёл к коню и заглянул в седельную сумку, расстегнув её. И отшатнулся, когда ему в лицо ударил отблеск серебряных монет:

«Серебро! Да его здесь столько, что хватит бы на всю жизнь всей моей семье!»

Другая сумка тоже оказалась полной полновесных монет. К-Кэн не стал даже касаться чужих монет и застегнул сумки наглухо.

«Посол-Красавчик ехал от степняков, его охранник всем об этом спьяну хвастал. Явно, что это деньги на какие-то интриги. Грязные деньги на грязные дела...».

Весь в размышлениях, К-Кэн разжёг небольшой костёр и приготовил в котелке горячего чая на свежих травах.

Через час вернулась и Ан-ньи с набитыми карманами, вывалив всё перед К-Кэном: немного золота, много серебра и меди, десяток колец и перстней, кучка цепочек, браслетов:

– Здорово всё перекопали какие-то бродяги. Осталось не так уж и много.

К-Кэн предложил:

– Давай тогда заедем и на моё селение, подберём и там, что найдётся.

Так они и поступила, став богаче на кучку денег и украшений.

К-Кэн подытожил:

– Тут надолго хватит в столице, мы там...

Ан-ньи забеспокоилась, прислушиваясь к себе:

– Погоди... Что-то не то вокруг: холодные магические прикосновения... как будто кто-то незримый шарит по траве...

– Может быть, ищут нас?

– Давай-ка отправляться дальше!

И они поскакали снова в путь, торопясь отъехать подальше от непонятной и опасной магии. По пути путешественники приобрели новую неброскую одежду, более удобное снаряжение для коней. Выносливые дружанты неслись ровно и неутомимо. Мимо только и проскакивали посёлки, путники, обозы и всадники, которых они обгоняли. Оба задремали в сёдлах, но опасность выпасть на полном скаку заставила их остановиться на привал. К вечеру они расседлали и поухаживали за скакунами, потом разбили свой лагерь, нарубив веток. Ан-ньи занялась похлебкой, потом отправилась с конями на водопой и умывание. К-Кэн тем временем переупаковал снаряжение.

Ночью Ан-ньи спала плохо: она видела чьи-то призрачные ледяные руки. Они, неторопливо перебирая траву, неутомимо приближались к девушке, которую сковал шок. Когда оставалось несколько шагов, заржал конь, она сбросила наваждение, подхватила спящее тело К-Кэна, и они взмыли в тёмное ночное небо. Вражеские руки замедленно поднялись вверх, но не смогли дотянуться до неё и скоро отстали...

Утром она проснулась разбитая, будто вправду летала на большой высоте, а потом валялась на булыжниках.

К-Кэн же потянулся и, зевая, пробормотал спросонья:

– И приснится же такое: как будто ты меня носила по всему небу... от кого-то...

Ан-ньи побледнела и отвлеклась, только когда вдохнула в себя яркий утренний свет, щебетанье птиц, журчание ручья и шум листвы над головой.

Перед завтраком К-Кэн по привычке полчаса потренировался, пробуя различные удары. И заметил, что вдруг сами по себе получаются интересные незнакомые комбинации, удары порой проводятся молниеносно. Его техника за это утро, казалось, улучшилась в два раза. К-Кэн ликовал, прислушиваясь к внутренним ощущениям:

– Ни одного лишнего движения!

Кое-какие простые комбинации он показал и Ан-ньи, чем необыкновенно поднял свой авторитет в её глазах. Она всё схватывала на лету, обладая живым умом и смекалкой спортивной девушки, выросшей на тревожной в любое время границе.

На последнюю ночёвку перед приездом в столицу они решили остановиться в придорожной гостинице в надежде, что призрачные руки не отыщут их среди множества постояльцев.

Поутру, когда путники спустились вниз и стали завтракать, Ан-ньи вдруг невнятно произнесла, не поднимая головы от тарелки с умело приготовленным тушеным гусем:

– В дальнем углу я заметила знакомое лицо: этот купец имел дела с Красавчиком на восточной Заставе. Не оборачивайся! Я смотрю на него глазами воробья за окном. Там в углу за столом сидят трое: этот купец-Кабан и два громалы явно из клана Орла. Какие-то залётные наёмники, скорее всего, по их виду и замашкам. Речи не слышно, но он тыкает пальцем в нашу сторону, что-то им талдычит... А вот и отсчитывает монеты... Немало... Орлы забирают их и кивают головами, косясь на нас... Поправляют оружие... встают... идут к нам. Будь готов, К-Кэн.

К-Кэн насторожился, опуская на стол вилку и хлеб:

– Но не станут же они прилюдно сразу рубить нам головы! Обычно сначала затевают какую-нибудь ссору.

– Подходят!

К-Кэн перевёл правую руку поближе к рукояти магического меча, подобранного после схватки с Демоном. Но тут его ждал неприятный сюрприз: из-за соседнего стола третий Орёл, протянул длинную руку, с ухмылкой положил свою ладонь на ладонь К-Кэна сверху, с силой придерживая её:

– Чего это ты, Волк, так сразу за оружие хватаешься? Здесь ведь спокойное и приличное место, хе-хе...

Подошедшая двоица громил с притворным возмущением тут же начала разговор на повышенных тонах:

– Да никак этот злодей-Волк решил тут драку устроить? А ведь вокруг только благополучные купцы и мирные селяне!

К-Кэн твёрдо и спокойно посмотрел задиравшему его в лицо. Орёл занервничал, и его глаза забегали по сторонам. К-Кэн всё ещё сдержанно осведомился:

– А ты, приятель, кто: благополучный купец или мирный селянин?

Орлы переглянулись и нахмурились, изображая возмущение:

– Да ты просто невежа! Нас оскорбить хочешь?

К-Кэн отодвинул от себя тарелку и поднял брови, будто удивляясь:

– Так кто из вас желает вызвать меня на дуэль первым?

Наёмники подпрыгнули и схватились за рукояти мечей:

– А вот это уже наглость! Придётся тебя проучить, грязный Волк!

И, выхватив меч, вожак направил его на сидящего К-Кэна, собираясь рубануть по плечу. Позиция у юноши оставалась незавидной: он сидел на стуле и громила рядом прижимал его ладонь к мечу, не давая выхватить его и к тому же мешая встать.

К-Кэну оставалось ждать до последнего и отдёргнуть голову только в последний момент, когда меч уже почти поцарапал её. Отпрянув, он спасся ценой глубокой царапины на щеке. Меч с треском врезался в столешницу. Орёл не сумел его сразу вернуть, поскольку К-Кэн левой рукой придерживал лезвие сверху, прижимая его вниз, хоть и порезался при этом. А ногой толкнул от себя тяжёлый табурет, который вылетел из-под стола и ударил по колену нападающего наёмника. Удар пришёлся в чувствительное место, видно, что табурет выбил колено и Орёл присел, охнув от боли.

В это мгновение вскочила Ан-ньи, на которую наёмники поначалу не обратили должного внимания.

И зря. Это им дорого обошлось.

Она схватила первое, что подвернулось под руку: две глиняные тарелки и ударила ими с двух сторон по ушам второго Орла, который тоже обнажил оружие. Тарелки с грохотом разлетелись, Орёл от неожиданности вытаращил глаза и на секунду приостановился, оглушенный и облитый остатками подливки.

Этой секунды вполне хватило К-Кэну, чтобы начать действовать более активно. Он оттолкнулся от стола, тут же опрокинувшись на спину. Спинка стула приняла на себя тяжесть удара о каменный пол, и развалилась. К-Кэн же, вскочил, выпрямляя ногу, ударил носком сапога сидящего Орла в висок. Тот закатил глаза и свалился на пол без сознания.

Тут уже К-Кэн выхватив наконец магический меч, который засверкал синими рунами. С мечом в руке он сразу как-то успокоился и почувствовал себя гораздо уверенней. И бросился на вожака, наступая с быстрой серией молниеносных атак. Тот, освободив свой клинок, стал поспешно и хаотично обороняться, пятясь к двери. Его спасало только то, что он постоянно отступал, избегая клинка, не давая Волку дотянуться до себя. Он упал духом и не убегал только из опасения получить сталь клинка в спину. Вожак сразу признал в Волке сильного фехтовальщика и крикнул своим единомышленникам:

– Уходим! Чёрт с ними, с деньгами и купцом!

И едва К-Кэн приостановился, как вожак прихрамывая выскочил за дверь, отделавшись только десятком чувствительных порезов на руках, и с чувством, что его просто пожалели, не прикончив. Его напарник, оглушённый тарелками, помотав головой, всё-таки направился к Ан-ньи, грязно ругаясь и угрожая короткой расправой. Но К-Кэн сбоку с такой силой шлёпнул его плашмя лезвием пониже спины, что наёмник подскочил, взвыл и выронил меч, хватаясь за ягодицы. После этого, держась за ягодицы, Орёл сразу стал гораздо миролюбивее и тоже поспешно скрылся, спотыкаясь о столы, стулья и посетителей, оставив на полу меч, шляпу и плащ.

Последний Орёл начал приходить в себя после удара сапогом, ворочаясь на полу. К-Кэн огляделся: купец-Свинья под шумок крался вдоль стены к задней двери, видимо собираясь улизнуть. Ан-ньи догнала его и приставила к трясущемуся тройному подбородку кинжал:

– И куда это мы так торопимся?

Кабан выронил на пол широкий тесак, который только что вытащил, и поднял дрожащие руки вверх:

– Уже никто никуда не спешит, госпожа!

К-Кэн выкрутил ему руку и ударил лицом о стол:

– Жирный Кабан, так это ты заказал нас этим молодцам? Почему? У тебя одна минута убедить меня в том, что это произошло по веской причине!

– Да-да, господин Волк. Именно по веской причине! Эта Кошка – ведьма! Она колдовала на восточной Заставе, и за это её должны сжечь! Я выдам её Инквизиции, и справедливость восторжествует. Никому не позволено применять чёрную магию в нашей Империи!

– И всего-то? Скажи мне что-то, чего я не знаю!

Кабан мотал головой и только похрюкивал, пузыря носом кровь.

К-Кэн отбросил его и направился к всё еще лежащему без сознания третьему Орлу. Когда он нагнулся поправить отворот своего сапога, то неожиданно краем глаза заметил, как тень Кабана надвинулась на него сверху. Купец бесшумно привстал, схватил тяжёлый табурет и ринулся за юношей. А у того уже не хватало времени выхватить свой меч. Кабан занёс табурет над головой и обрушил его на нагнувшегося Волка.

К-Кэн опоздал всего на половину секунды.

Подхватив с пола меч наёмника, он, не успевая повернуться, уколол назад с обратного хвата, глубоко воткнув оружие в солнечное сплетение купца. Тот, умирая, всё-таки опустил табурет сверху и сбил К-Кэна с ног, оглушив Волка.

Третий Орёл оказался наиболее воинственным. Поднявшись, он ощерился, выхватил узкий кинжал. И, всё ещё шатаясь, храбро бросился на К-Кэна, стоявшего на корточках и мотающего головой. Перед глазами у юноши всё плясало и качалось, в голове шумело, и воин из него сейчас был совсем никакой...

Ан-ньи, не успевая добежать, метнула в наёмника свой кинжал. И промахнулась на две ладони. Оставшись безоружной, она вскочила на табурет и оттуда прыгнула, как истинная Кошка, навстречу наёмнику, который неминуемо мог заколоть К-Кэна. Оттолкнувшись и пролетев метр по воздуху, она с воплем ударила каблуком прямо в лоб ошарашенному неожиданностью Орлу. Голова того мотнулась назад, и он свалился на пол, как мешок с картошкой. Подпрыгнув к нему, девушка в запале ещё несколько раз пнула нападавшего сапогом.

К-Кэн, придя в себя, возмутился и, прихватив свободной рукой нападавшего за затылок, приложил с размаха лицом о стол. Оттянул его голову за волосы назад и повторил удар, теперь уже с намерением разбить ему бровь о край стола.

И это получилась: Орёл, окончательно выключившись, безвольно сполз вниз, как тряпка. К-Кэн отступил и пожал плечами:

– Я его только успокаивал! Все видели, что парень хотел всерьёз меня продырявить?

Видавший виды трактирщик только горько вздохнул и кивнул, обозревая поломанную мебель и запачканный кровью пол. Но промолчал, и К-Кэн оценил это по достоинству. Он, наклонившись, срезал кошельки с пояса Кабана и Орла, бросил их на стойку обрадованному трактирщику: – Это в счёт ремонта и похорон мерзавцев. Я видел, что кладбище у вас неподалёку?

Подхватив под руку Ан-ньи, он спешно направился к выходу. Наскоро собравшись, они выехали из посёлка, снова поскакав по шляху. К-Кэн оглянулся: их никто не преследовал. Видимо, Орлы, оставшиеся без хозяина, были больше озабочены грабежом повозки купца с товарами, чем мстью ершистым путешественникам.

Продолжив путь, в конце концов К-Кэн и Ан-ньи, выскочив по шляху из густого леса, приостановились на вершине холма: столица Империи Рая неожиданно предстала перед ними во всей своей белоснежной красе.

Это оказалось замечательное зрелище: множество белоснежных строений, с красными черепичными крышами, окружённые пышными разноцветными цветниками райской красоты. Яркие птицы перелетали стаями от одной рощи к другой. А над всеми ними вдалеке величаво парил, медленно вращаясь и искрясь высокими золотыми шпилями, великолепный Парящий Дворец, резиденция Императора. По периметру стометрового диска вдали переливались и сверкали на солнце руны, выложенные сотнями драгоценных камней...

– Вот это да! – оторопела Ан-ньи.

Любой приезжий, кто видел это в первый раз, замирал, околдованный красотой столицы Империи. И скептики, открыв рты, замолкали, потрясённые великолепием открывшегося вида. Ведь часто вид на другие города портили пригороды, это нагромождение неказистых построек. Здесь же пригороды прятались за несколькими рядами высоких деревьев и кустарника, по сторонам, невидимые со шляха. А к центральным воротам посреди безупречного километрового луга вела идеально прямая, вымощенная крупными камнями дорога тридцатиметровой ширины. Не доходя километра до главных ворот, она разветвлялась. Движение во избежание заторов устроили так, что въезжали все через центральные, главные ворота, а выезжали через боковые.

– А вот стены никакие! – негромко заметила Ан-ньи своему коню, когда они проезжали под блистающей аркой посеребрённых ворот.

«Они не для защиты. Говорят, что сокровищница припрятана в Парящем Дворце», – неслышно для других ответил конь.

Невысокие, двухметровые стены оказались к тому же и до неприличия тонкими. А красивые кружевные посеребрённые ворота не выдержали бы даже вида толстого боевого тарана. Охрана, не стеснясь, зевала, опираясь на давно не ухоженные, засаленные алебарды. Шлемы и щиты лежали вообще в куче и, похоже, их давненько не брали в руки по причине ненадобности.

В ответ на недоуменный взгляд Ан-ньи, К-Кэн только пожал плечами:

– От кого имперцам защищаться, когда все соседние королевства готовы прискакать на помощь в течение нескольких дней?

Действительно, за те десять лет, пока он не был в столице, похоже, что здесь многое изменилось. И явно не в лучшую сторону. Этим стражникам К-Кэн даже коня не доверил бы сторожить, не то что главные ворота столицы Империи Рая.

Бдительно присматривали за вливающимся потоком только несколько монахов и здоровенная коричневая гончая, угрожающе рычащая на всех, кто подходил слишком близко. Ищущие взгляды монахов скользнули по проезжавшим, задержавшись только на мгновение: но магия защиты Талисмана надёжно укрывала своих подопечных.

Проехав мимо монахов, прямо источавших облако чёрной магии, путешественники наконец вздохнули с облегчением. Ан-ньи деловито поинтересовалась:

– А где вещи посла, которые оставались на его коне?
– Сжёг, что горело, а остальные бросил в воду. Зачем нам лишние следы? Они ведь будут искать, куда делся конь и снаряжение.
– Там были ещё и сумки седельные?
К-Кэн заёрзал в седле: врать не хотелось, а правду пусть лучше она не знает, неизвестно, как дело обернётся, отделавшись полуправдой:
– Сумки тоже оставил в лесу, там ничего незаменимого не было... У тебя есть хоть кто-то в городе? – перевёл он тему в более безопасное русло.
– Никого из родни у меня тут нет. Зато есть кое-какие слухи, которые должны подсказать, где могут находиться те монахи-каратели, что руководили налётами на наши деревни. Хотя я видела их только мельком, но возможно, что смогу опознать.
Они слезли с коней, и Ан-ньи заговорила с Кусаимом:
– А где ваши монахи базировались?
Конь тряхнул гривой и отвернул морду:
«Извини. Но ничего не помню. Всё в тумане. Мы размещались в конюшне где-то на окраине...».

По мере продвижения по улицам столицы, река въезжающих в столицу начала мельчать, разливаясь в ручейки по разным улицам. Здесь между кольцом первой и второй стены находился Нижний город – небольшие белые домики ремесленников, мелких купцов, постоянные дворы, харчевни, базары, множество торговых лавок вдоль широких улиц. Большинство крестьян направилось к огромному базару, расположенному неподалёку. Ан-ньи и К-Кэн спешили и повели коней на поводу. На базаре они набрали сумку свежих продуктов. В одежной лавке приобрели приличную смену одежды, в которую сразу и переоделись, став выглядеть более по-городски.

Потом с удовольствием посетили баню. Там же стали владельцами всяких безделушек, мимо которых молодая женщина равнодушно пройти просто не в состоянии, которые заняла ещё одну сумку. Временно определив коней в стойло на ближайшем постоялом дворе, они решили ещё побродить по столице и присмотреться. Остановились у большой харчевни, опрятной и сверкающей новой вывеской.

– Нет, надо искать пристанище на отшибе – оглянулся К-Кэн, с трудом вспоминая планировку города. – «Они» нас будут искать по постоянным дворам в первую очередь.
– Всё может быть, – приуныла Ан-ньи. – Тогда ищем что-нибудь другое, попроще.
– Пошли на окраину у Дна, там будет хоть и не так роскошно, но надёжный кров отыщем точно.

Через час они пересекли второе кольцо стен, которое на этот раз оказалось гораздо выше и в два раза толще. Наверху кое-где расхаживали зевающие стражники, посматривая на бурление жизни внизу. За вторым кольцом, в Верхнем городе начался небольшой подъём. И чем выше, тем роскошнее становились особняки и небольшие замки. Здесь уже проживали обеспеченные торговцы и аристократия, командиры войск, городские Стражи, Инквизиция, адвокаты и министры...

Пройдя по широкому каменному мосту, они вышли к толстым воротам, за которыми открывалась мощёная серым камнем дорога на Дно и главный порт. Высокие горы с двух сторон превращали этот путь в ущелье, постепенно сужая дорогу. И единственный путь скоро привёл их к самому разбойному району столицы – трущобам Дна. Когда они прошли между высоких створок ворот, оббитых широкими полосами ржавеющего железа, на них пахло запахом трущоб – вонь отбросов из канав, гниющая плоть и все другие жуткие запахи нищеты. Здесь оканчивалась столица, и это сразу чувствовалось по запахам и количеству отбросов.

Опять же и здесь дежурили вездесущие монахи: двое невесёлых мускулистых Быков с огромной собакой. Они устроились пониже городской Стражи, которая увлечённо играла в кости, считая это, видимо, своим главным долгом. Мимо них то и дело прошмыгивали всякие подозрительные личности, но Стража, как всегда была слишком занята «делом», чтобы ещё следить и за порядком вокруг себя.

Пройдя мимо охраны и выйдя за стену, путники начали спускаться вниз, к порту.

– У них на Дне здесь что, только дождь всё дерьмо смывает в море? – возмутилась Ан-ньи, прикрывая платком нос. – И ты здесь собираешься ночевать?!

– Ну да. Сюда ночью ни Стражи, ни Инквизиция не сунутся.

– И где клоп на таракане?!

– Ну почему так говоришь? Ещё много вшей и блох...

Ан-ньи сглотнула и закатила глаза:

– Я здесь не смогу уснуть...

Едва они отошли от стены, как за девушкой увязалась непонятно из какого клана родом ковыляющая сторбленная женщина, укутанная в дырявую шаль... Она шаркающей походкой подковыляла к Ан-ньи и вцепилась в неё одной рукой, второй красноречиво напрашиваясь на милостыню:

– Погодите, добрые люди! Подайте Единого бога ради на пропитание!

Ан-ньи брезгливо дёрнула рукой, но не тут-то было: нищенка вцепилась накрепко, как клещ. Тогда девушка, не глядя, бросила ей мелкую монету, и нищенка тут же отошла. К-Кэн приостановился, присмотрелся, потом развернулся и догнал нищенку. Он требовательно протянул ладонь, с укоризной глядя той в глаза. Нищенка занервничала, покрутила головой, кого-то проклиная вполголоса, и только потом неохотно вернула ему ловко срезанный кошелек. Разочарованно вздохнула и спросила:

– Проводник-то нужен? Видно, что не местные. Ночлег ищите? Откуда вы?

– Приехали к родственникам, а они переменили место жительства. Там в доме сейчас чужие люди, – стал на ходу фантазировать К-Кэн.

– Угу, – понимающе усмехнулась нищенка, – здесь нам всё равно, откуда вы и кто, были бы деньжата.

– На ночёвку-другую хватит, – нахмурился К-Кэн, не собирающийся делиться сведениями с подозрительными жителями Дна. – С собой много не брали, мало ли что... Хорошо, «добрая женщина», веди куда попримечнее, чтоб не так грязно и без домашних питомцев типа вшей и блох. А лучше идём сразу к начальникам или вожакам. Кто здесь заправляет всеми делами? Нас интересует мелкая лавка или таверна в аренду. Знаешь такое место?

Женщина хихикнула в кулачок и, кивая, повела их к старому двухэтажному дощатому домику справа от дороги на Дно. Прилепившись к отвесной скале, этот дом всё же стоял гораздо ближе к входным воротам, чем все другие строения. У входа скучали, сидя в продавленных плетеных креслах, два очень крупных парня на одно лицо самой зверской внешности: лица в шрамах, лбы низкие, сами широкие в плечах, одни мышцы, сразу видно, что это клан Быка, конечно. Конечно, клан Медведей тоже состоял из мускулистых людей, но Медведи хотя бы имели более продвинутый вид, чем туповатые и склонные к грубости, Быки.

К-Кэн засомневался и занервничал, почувствовав опасность. Потом наклонился к нищенке:

– «Добрая женщина», ты уверена, что это управление Дном, а не очередной притон?

– Конечно, притон! – радостно закивала головой оборванка. – И ещё какой! Но они здесь – самые главные на Дне. Хоть и готовы воткнуть нож в спину друг другу, когда с посторонними расправятся. Так что спиной к ним не поворачивайся, касатик, ты мне ещё монету должен.

– Вот когда выйду, тогда и дам, – отрезал К-Кэн, внимательно осматривая окна и двери.

И окна, и двери оказались самого плохого качества, подгнившие и скособоченные. Правда, несколько окон на втором этаже были попрличнее и даже имели стёкла.

«Вот там и сидят эти бандюганы», – определился К-Кэн.

Женщина приковыляла к близнецам у входа и стала быстро что-то шептать на ухо крайнему справа, видимо старшему. Глаза того вскоре приобрели некоторое осмысленное выражение, сфокусировались на Ан-ньи, затем зафиксировались на её пышной груди. Потом старший наконец проснулся и понял, где находится, и со второй попытки выкарабкался из жалобно протестующего кресла.

Вставший близнец протянул руку и пошевелил толстыми немытыми пальцами, красно-речиво кивая на пояс с мечом. К-Кэн неохотно расстегнул его и отдал. В руке детины метровый меч казался перочинным ножиком. Ан-ньи последовала его примеру, тоже сдав то оружие, что было на виду. Второй детина широко зевнул, чудом не вывихивая челюсть, неохотно отлучился из застонавшего от облегчения кресла. Он опёрся на стену и дом даже дрогнул при этом. Открыв тонкую дверь, он повёл их по темноте лестниц. К-Кэн и Ан-ньи прошли по нескольким лестницам и коридорам, и скоро у К-Кэна создалось впечатление, что их водят по кругу, нарочно запутывая:

– Ты, приятель, всё-таки води нас куда надо, а не петляй, – высказался он проводнику.

Тот хмыкнул и через несколько минут, пройдя по кривому коридору, постучал одним пальцем. Грохоту это действие понаделало много, и те, кто находился внутри, должны были подумать, что началось землетрясение.

– Входи! – раздался недовольный бас.

Дверь под нажимом Быка распахнулась, открываясь вовнутрь и едва не слетая с петель. Внутри, в глубине просторной грязноватой комнаты оказалось двое бандитов, по-другому их и не назвать. У двери стоял матёрый плешивый Кот, лет пятидесяти, невысокого роста, увешанный ножами и кинжалами. Его пальцы, не останавливаясь, так и пробегали по рукояткам и ножнам, как будто он всё время проверял их наличие. Кот промямлил, что-то флегматично пережёвывая и коверкая слова:

– И кого енто ишо принесло-таки сюда?

А у замызанного окошка покачивался на табуретке морщинистый горбатый Волк, на вид ещё постарше плешивого Кота. Горбатый нехотя оторвался от созерцания дороги на Дно и уставился, выпучив глаза на вошедших. Седой и потрёпанный, он всё же имел вид вожака, с которым приходится считаться. Хотя он и казался на первый взгляд сонным, совсем рядом, у стены, стояли меч и увесистая дубинка, оббитая железом и утыканная ржавыми гвоздями. А на полу, у правой ноги, лежало несколько копий и дротиков. К-Кэн, присмотревшись, отметил, что острия их оказались в неожиданно отличном состоянии, остро заточенные и смазанные. Горбатый, не выдержав взгляда Ан-ньи, сморгнул и выплеснул себе в рот содержимое кружки. Судя по тому, как он скривился, в ней было явно не молоко. Закусив, он поднял голову и распорядился:

– Вали отсюда, Бычара!

Тот как-то робко кивнул и исчез, осторожненько прикрыв дверь.

– Угрм, – прохрипел Горбатый невнятно, почёсываясь.

– И вам всем доброго дня, господа хорошие! – со скепсисом отозвался К-Кэн.

Расправив узкие плечи, плешивый Кот вытер грязным платком лысину и, выкатив глаза, уставился на новоприбывших. Этот взгляд по идее должен был быть предельно пронизательным и грозным, но получилось что-то вроде пьяного выпучивания круглых мутных глазок креветки:

– Хм, ви шо, новые бродяги? Шо ищем? Хотим-таки воровать, попрошайничать? Контрабанду имеем, девку в услуги сдаём? А чё, мы здесь всем дюже помогаем! За очень дополнительную плату, конечно, хе-хе...

К-Кэн сделал попытку развернуться и выйти, но Ан-ньи удержала его за рукав и осадил взглядом. Он вздохнул, деланно широко зевнул и уставился в потолок. Ан-ньи подняла подбородок и с достоинством королевы обратилась к сидящим, чётко выговаривая каждое слово:

– Здравствуйте, уважаемые старейшины!

Плешивый Кот открыл от удивления рот – там явно не хватало по крайней мере половины зубов, а остальные нуждались в срочном капитальном ремонте, а лучше – в удалении. Горбатый Волк дёрнулся и постарался не свалиться со стула, и на этот раз ему это удалось. Он поиграл бровями, сумрачно оглядел посетителей и сфокусировался на плешивом Коте:

– О-о-о! Видно, что дамочка из провинции? Плешивый, тебя давно называли «уважаемым старейшиной»?

Тот захлопнул рот и скривился, утирая слюни. Горбатый продолжил:

– Не обращайте внимание на его необыкновенную скромность. Он только с виду такой добренький котёночек: эта подлая котьяра зарезала своего предшественника. Тот по наивности тоже полагал, что всё будет хорошо, и что ему подадут нож. Но, оказалось, что Плешивый подал его слишком резко и к тому же не той стороной. Верно? Ошибочка вышла? Там два клыка и потерял?

Кот вытер с губ дешёвое вино и вызверился в ответ:

– Не два, а три... Зато ты своего папашку, Горбатый, собака волосатая, просто столкнул в пропасть. Шо, уговаривал из кабака вернуться домой?

– Всё-всё-всё! Что было, то смыло, – скривился и поднял ладони Волк. – Мы тут не для протокола, а для приятного знакомства с двумя... путешественниками. Что же всё-таки вы ищите на нашем славном и гостеприимном Дне?

Ан-ньи продолжала ясным и звонким голосом важной провинциалки:

– Хотим посмотреть, чем можно торговать, возможно, что и лавку откроем.

Волк притворно рассмеялся, похлопывая себя по засаленному жилету:

– Ха! Торговать здесь особенно нечем. Уже есть пару лавок с тряпьем – жителям Дна особой роскоши не надо. Одной одежды хватает на все дни и все случаи жизни...

– И шо, каким капиталом располагаем? – задушевно-вкрадчиво спросил Плешивый, подружески понизив голос.

К-Кэн вздохнул:

– Сначала посмотрим, что к чему, приценимся, а потом уже напишем родственникам. И они помогут, пришлют денег. Немного и с собой есть.

Плешивый оглянулся и хмыкнул, икая:

– Шо? Здесь таки главные мы с Горбатым. Я, в натуре, заведую правым берегом Дна, там квартал порядочных Котов. А этот субъект – кварталом драчливых Волков, тем, что слева от моста к порту. Сам порт – вотчина военных и моряков.

К-Кэн с облегчением вздохнул и расправил плечи:

– Ну-у, если работы нет и домик снять не можем, пойдём поищем в другом месте. Будьте здоровы, господа хорошие.

Горбатый с участием покивал и подмигнул Коту, потом радостно довёл до гостей:

– Хе-хе. Домик у Верхнем городе стоит кувшин золота! А вас, провинциалы, если доблестная имперская Стража словит без документов проживания, то мало не покажется. Быстро обдерут, разденут, поколотят и для начала сломают что-нибудь в нескольких местах. А во второй раз – прямиком на галеру, к веслу на пару лет. Во как!

К-Кэн упрямо замотал головой и повернулся к Ан-ньи:

– Здесь явно не место для порядочных людей.

Горбатый покачал головой, отхлебнул и с обидой стукнул кулаком по столу:

– Да здесь именно только порядочные и проживают! Самые отъявленные подонки-чинуши уже обобрали самых наивных и выбросили их за ворота своего райского Рая. Хотя

«порядочные» здесь, на Дне, тоже не забывают показываться: найти девчонку, мальчишку, азартную игру, дуэль или «весёлую травку»... Так вот, ближе к делу! Есть одно приличное место. Для себя приберегал, сам бы занялся, да дел не в проворот в моём квартале Волков... А место как раз сегодня освободилось, вот удача-то! Там высоко, у гор, свежо, немного в стороне от бомжатника. Есть и домик под лавку или харчевню, конюшня, сарай. Бывает, что и порядочные клиенты по пути на корабль могут забрести.

– Это шо, маяк, что ли? – с сомнением повернул к нему голову тощий Кот. – Таки там же ещё позавчера ошивался вполне живой торговец ворованным. И шо? Тово?

Сутулый Горбатый тайком показал ему кулак и заговорщицки подмигнул гостям:

– Да... был. Не беспокойтесь, там всё нормально, господа путешественники, место хорошее, прежний хозяин... э... срочно съехал ночью... куда-то... надолго... Что мусолить, говоря короче: сто серебряных монет в неделю и харчевня за вами.

К-Кэн хмыкнул, усмехаясь:

– Сто серебряных?! Что-то я не расслышал... Сто медных, вот это ещё возможно. Всё равно заведение простаивает.

Плешивый хлопнул себя по коленям ладонями и недобро рассмеялся, поправив рукояти ножей на перевязях. Горбатый Волк надулся и поднял брови, сосредоточенно изображая, что с трудом соглашается:

– Мда... видно, это не мой день... Ладно, вы мне нравитесь, провинциалы. Особенно, ты, молодой и храбрый Волк. Мы же одной крови, верно? Ладно, какие есть деньги на бочку, господа!

Ан-ньи повела плечами:

– С собой, конечно, таких денег нет, но через неделю начнём выплачивать.

– Тогда вам придётся в качестве процентов зажигать огонь на маяке, если хотите и харчевней владеть.

К-Кэн ухмыльнулся:

– Зажигать огонь на маяке?! Да это тяжёлая работа, сестрёнка! Я знаю, о чём речь, пробовал как-то. Нет! Пошли, сестра, до заката успеем выйти отсюда, в предыдущем городке видел я одну заброшенную гостиницу – отдадут не дорого. Да и место там по-приличнее.

Плешивый стал бешено вращать глазами, побагровел и приподнялся, схватившись за рукоять ближайшего, самого кривого поцарапанного кинжала:

– Шо?! Разыгрывали меня? Да я вас обоих сейчас попишу...

Горбатый печально вздохнул и звонко хлопнул по столу ладонью, поднимая пыль и брызги:

– Ладно, Плешивый, не заводись! Решено: я возьму их под свою ответственность. Там мой квартал.

Плешивый окрысился:

– Таки запямятовал? В натуре там не твои не мой квартал, волосатый. Мы можем только сдать его в аренду от имени города. И если...

– Что «если»? – кротко поинтересовалась Ан-ньи.

– Ничаво! – буркнул Кот и вплотную занялся кружкой с вином.

К-Кэн, выждав паузу, неохотно продолжил:

– Если так, то с нас сто медных монет в неделю. И охрану.

– Чёрт тебя побери, вот фраер-прощельга! – вызверился Плешивый. – Да ишо и охрану подавай! Сам себя охраняй, Волчишка.

К-Кэн протестующе поднял подбородок и открыл рот, но Ан-ньи так его саданула локтем под бок, что он поперхнулся и замолчал, заиграв желваками.

– Я согласна, – протянула ладонь Ан-ньи. – Давайте грамоту на владение.

– На аренду, – хмуро поправил её Горбатый, неловко скрипя пером по куску старого пергамента. – Огонь на маяке мои Близнецы зажигать будут по-прежнему. За это их ужином кормить будете.

Потом он вытащил из-за пазухи толстую печать, висящую на лоснящемся кожаном шнурке. Тщательно прицелившись, гулко шлёпнул ею в угол пергамента. Оттиск получился не очень отчётливый, поэтому процедуру пришлось повторить. На этот раз он предусмотрительно положил пергамент на мокрый стол. Вытерев пот после таких значительных усилий, Горбатый вручил Ан-ньи документ и процедил:

– И вот ещё, провинциалы. Если с десятиной от дохода и арендой в конце недели затянете, мы сами придём в гости. И тогда на двух покойничков точно больше на помойке станет.

Ан-ньи прочла доверенность, кивнула, отсчитала на стол полсотни медных монет задатка, и они с К-Кэном встали, прощаясь. Выйдя из комнаты, К-Кэн притворил за собой дверь, но когда они прошли немного по длинному коридору, он неожиданно остановился и шёпотом на ухо сказал ей:

– погоди. Сейчас, догоню!

А сам на цыпочках вернулся к двери и прижал ухо к щели.

Там Плешивый Кот заходился от смеха:

– Хо-хо! Вот же лохи ярморочные! Это же надо так им таки попастись! Таки как я их разыграл?

– Кхе, Котяра, ты вполне натурально рассвирепел. И так лихо схватился за кинжал! В другой раз напрягись ещё, чтобы пострашнее, и кружку урони на пол – так будет ещё внушительнее!

– Без базара! Жаль, шо следующий раз совсем ускоре будет. Новые лохи бабки принесут сами. А ведь енти оба и не знают, шо прежнего владельца того... уже убили и съели нищие... А тут двое, да ещё и с задатком, да сами голову в капкан суют...

– Тс-с-с!

Дверь вдруг с грохотом распахнулась перед К-Кэном. Это Плешивый Кот, крадучись подошёл к двери и резко её дёрнул. К-Кэн, пошатнувшись, едва не ввалившись вовнутрь. Он тут же торопливо нагнулся, поднял с пола шляпу и нахлобучил её на голову. Потом вздохнул, виновато улыбнулся, как бы сетуя на себя, и заговорил, как ни в чём не бывало:

– Вот... обронил, пришлось вернуться. Спасибо, что дверь открыли, а то в темноте здесь хоть глаз выколи. Фонарь бы повесили бы что ли?

Плешивый молча сверлил его взглядом, пальцы барабанили по рукоятям оружия.

– Ну, ещё раз пока, старейшины! Нам вниз и направо? – бодро осведомился К-Кэн и заспешил по коридору. Ему казалось, что плащ на спине аж дымится от гневного взгляда, негодующего Плешивого.

А Кот, закрыл дверь, выждал немного и покрутил носом. Затем потёр длинные топорщащиеся усы:

– Видал? Да енто не такие уж и хилые провинциалы, как мне казалось сходу. Ништяк ффраера, но нам не ровня. Как бы не пережмурили они и нас с тобой, волосатый.

Горбатый громко отрыгнул и просипел, хлопая себя по животу и ощерив жёлтые длинные волчьи зубы:

– Но меня им точно не обмануть, хе-хе!..

– Эт уж точняк! – охотно отозвался его собутыльник, подняв брови и опрокидывая в себя очередной стакан.

Выйдя из дома, путники снова окунулись в густую атмосферу помойки Дна: разлагающейся плоти и гниющей растительности. Справа и слева от большого железного моста, ведущего в порт, располагались шаткие домишки, прилепившиеся к отвесным скалам. Ясно, что обе стороны, Кошки и Волки, были на ножах. Империя и здесь следила за внешними декора-

циями: купец, сходя с корабля, проходил между складов гавани, поднимался по двухсотметровому мосту между двухметровыми дощатыми стенами. И лишь специфические запахи «ароматов» красноречиво говорили о том, что за этими стенами живые спали рядом с умирающими в канавах. Там тощие кошки поедали крыс, а крысы, сбившись в стаи, разрывали мёртвых кошек. Облезлые собаки гоняли всех животных подряд, спасаясь от мясников, стремящихся пустить их на «свежие пирожки». И пока не появлялись патрули Стражей порядка или Инквизиции, сбрасывающая трупы в реку, ревущую внизу ущелья, нищие хищно преследовали бедных. А бедные избавлялись от нищих всеми доступными способами, которые давало им оружие и совесть.

«Дно и есть дно» – расстроено пожал плечами К-Кэн, жалея нищих.

«Добрая женщина», терпеливо дождавшись, пристала к ним, дёргая за полу Ан-ньи:

– Ну что, голубчики, разрешили что-нибудь Старейшины? Своего-ведь не упустят, идола!

К-Кэн прижал платок к носу и неохотно поделился сомнениями:

– Обдурили старейшины нас. Точно чувствую, что обманули, а вот где – не знаю... Горбатый Волк дал нам в аренду таверну-харчевню-постоялый двор возле маяка. Это вот тот высоченный маяк через малый железный мост?

Нищенка алчно сверкнула глазами, пряча монету:

– Он, он, голубок! Такой большой, да бедовый. Место здесь нехорошее, это точно. Люди-то на Дне так и мрут, так и мрут. А смотрителем маяка так вообще пару месяцев мало кто пробыл. Никто не хочет там ночевать, говорят, что духи бродят, привидения, упыри...

Ан-ньи повернулась, взяла под руку К-Кэна и направилась к мосту вслед за Близнецами:

– Что-то в такой солнечный день не верится, что там какие-то духи могут бродить. Так что вы зря явно придумываете сказки.

Нищенка захихикала им в спину:

– Хе-хе! Дураки не подозревают, что за днём всегда приходит ночь. А она обязательно наступает! Очень скоро...

Подходы к маяку тоже оказались не простыми.

Так как маяк и таверна находились в километре от дома старейшин-атаманов, им пришлось пересекать плоскую площадку, которую облюбовали дуэлянты. Из-за того, что в столице дуэли формально запретили, вспыхивая молодёжь и прожжённые наёмники-бравы безнаказанно обнажали клинки здесь, за стенами. И пока они сильно не шумели, Стражи и Инквизиция смотрели на их «баловство» сквозь пальцы. У задиристых дуэлянтов на левом плече красовалась повязка красного цвета, и любой, кто не понравился подвыпившему забияке, рисковал нарваться на стальное жало-остриё.

Поляну для боя огородили вкопанными в землю гибкими бамбуковыми прутьями, где и бесчинствовали бравы. Сюда, как мотыльки на пламя свечи, слетались как романтические настроенная «золотая молодёжь», так и девицы лёгкого поведения с сутенёрами, вёрткие продавцы спиртного и других запрещённых товаров...

Эту дуэльную поляну можно было вполне обойти стороной, но Близнецы, пошли напрямик, поигрывая увесистыми дубинками-«глушарями». Толпа перед ними поспешно и беспрекословно расступалась, поскольку за спинами Близнецов стояла вся мафия Дна. Какой-то здорово выпивший щеголь посторонился нарочито медленно и процедил, зажимая нос платком в кружевах:

– Что-то навозом запахло, господа!

У Близнецов оказался отменный слух. Быстро и только один раз мелькнула дубинка, и хрустнул череп щёголя. Платок тут же окрасился кровью, и он рухнул к ногам Близнеца, который просто наступил на него и невозмутимо продолжил путь. Никто не хихикнул и не поспе-

шил упавшему на помощь. Близнец оскалился, обводя притихшую толпу мутным взглядом, и обратился к брату, не останавливаясь:

– Тряпьё! Енто смотреть противно, как они тут фуфлыжатся.

Тот в ответ только промычал что-то, скорее всего одобрителное.

А толпа брави тут же обратила своё внимание на К-Кэна и Ан-ньи, следовавшими в кильватере за братьями. Их сначала тихо обсмеивали, а потом стали и толкать, видя, что Близнецы на это внимания не обращают. В конце концов один из брави, клан Лошади, навалился на К-Кэна и закричал в притворном возмущении:

– Волчара ударил по моей повязке! Он вызывает меня на поединок! Все видели?!

И все сразу дружно покосились на Близнецов. Те разом остановились, зевнули и стали глазеть на облака, явно ожидая зрелища. Выпившая публика воодушевилась и общими усилиями подтолкнули недоумевающего К-Кэна к загородке из стволов бамбука. «Обиженный» ступил туда же и расставил ноги, закатывая рукава.

«Да он вовсе и не выпивший! – заметил, хмурясь, К-Кэн. – Это подстава».

– Я не хочу с тобой драться, – заявил он, оглядываясь. – Прими мои извинения, Конь.

Брави из клана Лошади в ответ рассмеялся, поигрывая мускулами:

– А вот придётся, попугайчик.

Двое ловко схватили Ан-ньи за руки, прижимая её к стене. Не поворачивая головы, Близнец хрипло процедил, не повышая голоса:

– Кошёлку не баклашить.

И был тут же услышан.

Её отпустили, но обступили, чтобы она не могла вмешаться. Ан-ньи, прижатая с обеих сторон потными телами брави даже не могла вытащить меч или кинжал, либо поколдовать. К-Кэн едва заметно кивнул ей и повернулся к Коню:

– Какие правила?

Тот рассмеялся, закинув голову и щеря крепкие зубы:

– До первой крови, конечно. Ты что, не знаешь, что смертельные дуэли у нас запрещены?

– Ладно, – бросил К-Кэн, неуверенно переступая с ноги на ногу.

Конь театральным жестом красиво выхватил длинный меч и выписал им в воздухе изящный вензель, рисуясь перед дамами. Те с готовностью захлопали в ладоши и жеманно захихикали. Мужчины засвистели. Стали делать ставки, правда, все больше не на провинциала-Волка.

Высокий, стройный Брави-Конь, лихо отсалютовав, обрушился с градом ударов на Волка. Тот, не желая начинать знакомство с Дном с убийства, только защищался. Он отступал, коротко и выразительно, сухо отбивая шквал ударов длинного меча. Его оружие оказалось заметно короче и пробиться с простой контр-атакой не представлялось возможности. Как К-Кэн и ожидал, скоро заносчивый брави выдохся и снизил темп. Ведь ему приходилось не столько орудовать тяжёлым мечом, сколько бегать за ускользающим противником.

Зрители освистывали Волка:

– Трус!

– Дерись наконец-то!

– Будь мужиком!

И тут кто-то сбоку просунул незаметно палку и подставил Волку подножку. К-Кэн рухнул, и брави, подскочив к нему, нанёс несколько уколов и порезов. Он собирался воткнуть лежащему клинок и в сердце, но К-Кэн уже вскочил и отбил смертельный удар. Из ноги у К-Кэна потекла кровь, просачиваясь сквозь одежду и ярко пятная песок.

– Ты победил, – признал он, опуская оружие, так как кровь пролилась.

Но брави сделал неожиданный выпад и проткнул руку опешившего юноши, зубоскаля:

– Разве? А я и не заметил... и не услышал. Продолжаем, конечно!

– У тебя слишком длинные уши, приятель, чтобы не слышать, – ответил К-Кэн. – Ты, верно, из клана Осла?

Конь заскрежетал зубами:

– Тогда подохни, простофиля.

Кровь текла из раны на предплечье у кисти, и скользкая рукоять выпала из пальцев юноши. Он пошатнулся, слабей. А Конь с криком метнулся вперёд, со свистом разрезая воздух широкими ударами и не давая жертве возможности поднять меч. К-Кэн едва успел посторониться, успев выхватить нож и отбив клинок. Затем, хромая отступил к бамбуковой изгороди. Брави, стараясь прорваться поближе, резко сделал длинный выпад, чтобы проткнуть обессиленную жертву в решающей атаке.

Но К-Кэн неожиданно прыгнул ему навстречу. Он едва-едва разминувшись с длинным клинком, и сталь только царапнула его по груди, разрезав рубашку. Лезвие меча по инерции прошло между прутьев. А К-Кэн схватив поравнявшегося с ним брави одной рукой за одежду, второй толкнул в затылок. Брави не оставалось ничего другого, как врезаться лицом в решётку. К-Кэн немного подправил направление удара, который оказался неожиданным и сильным. И теперь голова Коня с трудом, но пролезла между двумя стволами бамбука, едва не оставшись без ушей. И безнадежно застряла там. К-Кэн укоризненно покачал головой:

– Я же честно предупреждал тебя, приятель, что уши слишком длинные. А сейчас я спешу.

Толпа на мгновение притихла, а потом в круг прыгнул второй брави-Орёл. Он выхватил абордажную саблю и, бешено размахивая ею, налетел на окровавленного К-Кэна с воплем:

– Да ты разорил меня, деревенщина! Я всё поставил на Коня!

И он, широко размахнувшись саблей, обрушил её на Волка. К-Кэн тут же мгновенно присел, подхватил с песка тонкую палку, из-за которой споткнулся, и ткнул концом в горло Орлу. Тот, налетев на конец палки, резко остановился, как вкопанный. От удушающей боли он захрипел, стал наливаясь кровью и бросил саблю, схватившись за раненное горло. Потом повалился на песок, держась за горло и хрипя.

Всё это заняло одну три секунды.

Не обращая внимания на раненого Орла, катавшегося по площадке, К-Кэн встал и устало обронил, зажимая рану:

– Тебе же сказали, приятель, что спешим.

Он обвёл глазами собравшихся и нагнулся, подбирая свой меч. Потом обвёл круг лиц мёртвым взглядом. Но воцарилась тишина и никто больше не решился на поединок. Толпа расступилась перед ним, и он похромал к Ан-ньи.

– Пошли, – предложил он ей, стараясь не показывать, насколько болят раны.

Но Ан-ньи неожиданно упёрлась и возмущённо помахала рукой Близнецам:

– Господа! Тут многие мне здорово задолжали по ставкам! Один Орёл вон сколько поставил! Одна я заложила на Волка!

Близнецы равнодушно уставились на неё. Ан-ньи тут же добавила, жизнерадостно улыбаясь:

– Половина денег вам, конечно, за посредничество!

Братья тут же восторжничали, расправили плечи и метнулись к ней, разбрасывая толпу, как траву:

– Кто? Сколько?

Через десять минут они покинули площадку брави, оставив тех обобранными и приунывшими. Близнецы повеселели, позванивая талерами, и уже заметно более благосклонно обращались к Ан-ньи. Они щедро посвящая её в тонкости разборок между бандами, пока она пере-зывала раны К-Кэна.

Перейдя через пятидесятиметровый железный мост на цепях, им пришлось взобраться по крутым ступеням в гору ещё на несколько сотен шагов по высоким ступеням, что далось К-Кэну не так просто. Там, на вершине серой скалы и располагался участок метров сто на двести, где и стоял маяк с другими постройками. С двух сторон: слева и спереди-сбоку возносились высокие отвесные скалы, на вершинах которых белел снег. Сбоку к ним прилепился высокий маяк. С третьей стороны, сзади, располагался единственный вход-выход через железный цепной мостик. А вот с четвёртой: справа-спереди, открывался великолепный вид на гавань главного порта и безбрежный океан. Площадка находилась настолько высоко, что оттуда, оглянувшись, можно было любоваться даже Парящим замком-дворцом, вращающимся над садами Рая. Ветер сносил зловоние Дна к гавани, и место оказалось неожиданно спокойным и свежим.

– Как красиво! – восхитилась Ан-ньи.

Она засмотрелась в широкие просторы океана с редкими белыми парусами торговцев, рыбаков, а вдали и строгих кораблей военно-морского флота Империи.

Справа участок маяка, нависал на метров сто над Дном, квартал Волков. Тут его ограничивала метровая изгородь, сложенная из грубого тяжёлого камня. Кладка изгороди обветрилась, расшаталась и кое-где вовсе обвалилась. Из такого же увесистого камня сложили и просторную длинную конюшню на сотню лошадей, а также сарай наподобие казармы, в котором можно было спокойно разместить сотню-другую солдат. Всё находилось в крайне запущенном состоянии, участок полностью зарос травой, покрылся слоем пыли и нечистот.

При ближайшем рассмотрении корчма-харчевня-постоялый двор, как ты его ни называй, оказалось неказистым приземистым одноэтажным зданием. Единственным его достоинством являлось то, что оно было крепким, сложенным из камня, крытое сланцем, видно, строили на века.

– Да, здесь можно продержаться пару-тройку дней в осаде, – одобрительно заглянул в узкие, как бойница окна К-Кэн.

В корчме было шаром покати, лишь споро разбежались мыши, питавшиеся невесть чем. От имущества предыдущего владельца остались только кучи рваной одежды да бурые пятна на полу, рождающие мрачные мысли.

В двадцати шагах от таверны через небольшой дворик выросла прямо из скалы толстая и высокий маяк. На щедро окованной толстенной стальной решёткой дубовой двери маяка висел амбарный замок неимоверной величины. Уж этот-то находился в прекрасном состоянии, массивный и смазанный, как-никак – маяк объект важный. Окна в толще стен прорезали высоко и совсем узкие, только кулак и просунуть. Да и кладку выложили прекрасно, без швов. Сплошь гладкий скользкий серый камень, не выветренный и не сколотый. По такой стене ни за что не вскарабкаешься, видно, что без магии не обошлось.

– Идём назад? – повернулся к девушке К-Кэн.

– погоди. Смотри, здесь ещё одна дверь!

В густой тени под деревьями и за колючими кустами в углу действительно виднелась низкая, метр на метр дверка, сплошь оббитая толстыми бронзовыми полосами. Ан-ньи пригляделась повнимательней, заметив, что полосы внушали уважение своей необыкновенной толщиной и оказались щедро покрыты многочисленными охранными магическими рунами.

– Защитные руны? Какой-то старый язык? – пощупала их Ан-ньи.

К-Кэн подошёл и провёл рукой по рунам. И заговорил вполголоса, прикрыв глаза:

– «Открывший дверь найдёт за ней не только свою смерть...»

Ан-ньи в восторге улыбнулась:

– Ты знаешь древние языки? Кто тебя учил?

К-Кэн потёр лоб в растерянности:

– Меня отец обучил шести языкам хорошо, а ещё восемь знаю так себе. А что касается этих рун, так это будто кто-то внутри меня тихо подсказывает их общий смысл. И я вдруг начинаю понимать этот язык.

– Тогда это тоже Дар Талисмана? Вот здорово! Тут у меня есть с собой пара древних книжек. Шаман подарил, видно, сам не мог прочесть, вот ты их и...

– Ещё чего! Какие такие «книжечки»? Мы здесь для чего? Есть дела и поважнее – найти убийц-карателей. Не привыкай тут, не пускай корни, Ан-ньи. Пойми, что у нас нет времени разживаться добром и традициями... Ладно, пойду осмотрю здание корчмы с тыла. А то надо бы и побыстрее отремонтировать, открыть дело, иначе нас эти упыри выставят. Наймём пару работников, ведь сидя здесь или праздно шатаюсь по городу, нам мало кто что скажет полезного об карателях. А тут пьяные языки столько наболтают, что только держись...

И он отправился в обход новых владений, везде заглядывая и открывая все двери, чтобы проветрить затхлые помещения. Там и присел на солнце, чувствуя, как Талисман заживляет раны и затягивает их.

Но женское любопытство всегда оказывалось сильнее любых запретов.

Когда юноша ушёл, Ан-ньи снова приблизилась и занялась заколдованной дверкой вплотную. Для начала ещё раз внимательно осмотрела её и прощупала на предмет скрытого рычага или кнопки. И ничего не нашла. Либо рычаг находился не здесь, либо оказался так искусно замаскирован, что ничем не отличался от массива камня скал.

– Просто замурована? Если есть дверь, то она должна и открываться! – она потолкала и подёргала дверку.

Та даже не шелохнулась, что всерьёз раззадорило девушку. Тогда Ан-ньи стала сплетать заклинание Отпирания замков. Сплетение творилось долго и сложно. У неё с непривычки пальцы устали сплетать многочисленные магические узоры, переходы и подтверждения, но, в конце концов, заклинание было доведено до конца. Раздался хлопок снаружи и... ничего не произошло. Потом её толкнула в грудь магия Защиты рун, опрокинув на спину в пыль. Времени ушло достаточно много, а эффект – ноль.

– Туда не суйся, тётка! – раздался сзади тонкий детский голос.

Ан-ньи вздрогнула от неожиданности, как будто её застали за преступным делом. Девушка вскочила и спрятала руки за спину.

«Это же надо так увлечься, что и по сторонам перестала смотреть. Что-то я в последнее время вообще стала рассеянной», – посетовала она с досадой про себя.

Сзади из-за угла выглядывали несколько оборванных фигурок местной детворы. Чумазы и всклокоченные, они выглядели испуганными:

– Там живут сумеречники! – выпалил тот, что поменьше и зажмурился, закрыв ладошкой рот.

– Кто-кто? – недоверчиво переспросила Ан-ньи.

– Призраки! Они выходят иногда лунной ночью и им лучше не попадаться! – авторитетно подтвердил тот, что постарше.

– И ты их видел? Сам? – усомнилась девушка.

– Не видел, конечно, – неохотно признался малец. – Потому как все те, кто их видел, пропадают. Насовсем. Навсегда.

– Значит, никто их не видел, но они есть? – скептически подняла брови Ан-ньи.

– Конечно! Ну... как наши боги. – уверенно зачастил он. – Их ведь тоже никто не видел, да? Но они точно есть. Мы же в них верим? Вот мы все из клана Кошки, и Великая мать Кошка существует?

– Конечно, – убеждённо ответила Ан-ньи.

– Вот я не верю в эту мать, – возразил К-Кэн, хватая двоих пострелят за шиворот. – А вы тут что делаете, шмакодявки? Как мне вас наказать за вторжение?

Дети сразу стали скулить, изображая обиженную невинность, и К-Кэн их со смехом отпустил:

– Ладно, ладно, я пошутил.

Ан-ньи всплеснула руками:

– И это просто замечательно, что все «ароматы» Дна сносит в море. И тут очень мило... Здесь можно обставить всё, как в сказке! Вот здесь мы разобьём цветник с бархатцами. А тут будут стоять столики для посетителей... А вот здесь посадим красивые кусты...

К-Кэн закатил глаза:

– Начинается...

Теперь уже переглянулись дети. Недоуменно пожали плечами и показали в сторону конюшни:

– За углом есть ещё и конюшня с казармами. В ней тоже водятся призраки. Но эти не убивают. Приходят, пьют кровь и уходят по ночам, – охотно поведал им самый младший Кот.

К-Кэн развернулся к Ан-ньи:

– Кстати, о лошадях. Приведи наших сюда. Возьми с собой старшего мальчика.

– Сюда?! – вытаращил глаза малыш. – Вы будете здесь жить?

– Ну да, сюда. А что?

– Да коней сразу наши местные сопрут и на беляши пустят!

Ан-ньи потрепала её густые лохматые волосы:

– У нас особые крестьянские кони – к себе чужих не подпустят. Да и запереть конюшню всегда не помешает на ночь. А теперь собирайте хворост и дрова – будем убираться и греть воду. А потом мыться и готовить еду.

– Не-е-т, – сморщился старший. – А можно сначала еду, а потом мыться?

– Договорились, – «согласилась» Ан-ньи. – Сначала мыться, а потом еда.

Двое детей тут же побежали за дровами. Потом под руководством К-Кэна, который сидел на чурбаке, связав веники, начали выметать сор, собирать по углам паутину. У корчмы оказалось четыре спальные комнаты, кухня, кладовая и большой гостиной зал. В подпол вела широкая лестница. Там простирались выдолбленные в скале обширные прохладные пустые кладовые. В крошечные зарешеченные окошечки скупно проникали прямые лучи яркого солнечного света. Пол усыпали обломки мебели, полуобгоревшие поленья, катышки вездесущих мышей и крыс.

Вскоре рыбная уха была сварена. И все насытились, особенно дети, тщательно вытирающие хлебными корками миски. Перед тем, как отпустить их, она сплела заклинания, и магия залечила ссадины, не затянувшиеся ранки, потёртости. Дополнительно подлечила у старшего ступню, а у младшего больной нос.

К-Кэн попросил их перед уходом:

– Я покупаю старые книги. Заплачу хорошо. Приносите всё, что попадётся.

Они с готовностью закивали головами и стайкой умчались прочь, оставив взрослых наедине с их взрослыми проблемами. К-Кэн, убедившись, что их никто не сможет подслушать, сел за стол и стал барабанить пальцами по одной из книг Ан-ньи:

– Нам, можно так сказать, повезло с этой развалюхой... Кстати, здесь стена двойная и есть слуховые отверстия как раз там, где удобнее всего ставить столы. Будем по очереди слушать...

– Без этого никак. Кстати, возможно, что в Империи слишком долго всё было тихо, и скорее всего эта шайка монахов готовит какой-то переворот. Надо потолкаться в церквях, храмах и присмотреться к порядкам – у кого-то явно найдётся столько воинственных слуг и средств, чтобы провернуть большие операции. И вряд ли таких крупных храмов-культов здесь много. Скорее всего, что меньше десятка. Завтра я начну их просеивать, пока ты тут для отвода глаз займёшься хозяйством...

Ближе к вечеру пришел смотритель маяка с помощниками. Им оказался седой Енот. Его молодые помощники абсолютно без энтузиазма, но с отборной руганью отперли маяк и затащили туда несколько больших кувшинов с дурно пахнущим маслом. Наблюдая за ними, К-Кэн и сам быстро постиг науку разжигания сигнального огня и регулировки отражателей.

После их ухода Ан-ньи налила в мисочку молока и отнесла её к таинственной не отпираемой дверки у маяка:

– Там рядом небольшая норка. Я видела там маленькие следы в пыли, кошки тоже должны быть здесь, если есть мыши!

– Да нет здесь никаких кошек, – огляделся К-Кэн. – На Дне видел сегодня много крыс, собак, кошек, а вот возле нашего маяка – маловато что-то. Видно, крысы их давно прибрали... Кстати, когда проехал по Дну, то тут же стали предлагать оружие, яды, контрабанду, девочек, «травку забвения». Похоже, что Стражи туда не заглядывают вообще.

Немного погодя, они сели попить душистого чая с сладкими булочками.

Ан-ньи решительно присела напротив и посмотрела Волку прямо в глаза:

«Надо ставить точки, пока Волк не увлёкся здесь всякими непотребностями и шлюхами».

К-Кэну же тут же стало как-то не уютно под этим острым женским взглядом:

«Надо бы как-то валить отсюда, пока не попал под её влияние и заниматься расследованием одному. Но ведь как красива, чертовка...».

– К-Кэн, скажу тебе честно и откровенно: мне всё это не совсем по душе.

И она приложила свою душистую ладонь на роскошную грудь, ловко расстегнув верхнюю пуговку. Потом ещё одну.

Приоткрывшийся вид ввёл Волка в смятение, заставив покраснеть и забыть про свою решимость.

– Я сама теряюсь в этих городских лабиринтах. Меня пугают эти бандиты!

Кошка чуть наклонилась вперёд, умело расширив зрачки и чувственно раздувая ноздри. Волк слотнул и с трудом отвёл глаза в сторону.

– Посуди сам: я родилась и выросла на приграничной зоне. Мои родители: зажиточные, но простые люди, погибшие под клинками карателей-монахов. Когда после налёта я одна уцелела и просто чудом расправилась с гадким Котом-Птицеловом, что мне оставалось? И я подалась на Восточную заставу, став там разузнавать, где и как можно напасть на след карателей. К тому же я стала обладательницей Амулета, перешедшего ко мне после гибели Птицелова. Потом на мою голову свалился подлый бабник-посол, Волк-красавчик, который неожиданно похитил меня, и едва не изнасиловал в лесу. Ты меня спас и духовно и физически, дорогой Волк. И я тебе очень-очень благодарна за это!

Она перехватила его взгляд и ответила так жарко и предано, что К-Кэн стал дышать несколько чаще. Попутно она всё сплетала и сплетала заклатья Соблазнения, но они отскакивали от него, как камни от стены. Ей даже показалось, что они возвращаются к ней, разжигая и без того пылкую кровь Кошки. Наконец она, хоть и с запозданием, но сообразила:

«Чёртов Талисман у Волка отражает любую магию! Какая досада...».

– И теперь, в этой сумасшедшей столице я могу опереться лишь на тебя!

И она мягко коснулась под столом его ноги, будто сливаясь с ним. Юношу как будто ударило током, и он едва не подпрыгнул. К-Кэн что-то пробурчал и расстегнул ворот рубашки.

– И теперь вся надежда только на тебя, Кэн. Я ведь пропаду здесь одна-единёшенька!

К-Кэн невпопад вспомнил, как она уверенно зарядила ногой Орлу по пути в город, а заодно расправилась с одним из уголовников Чёрной десятки. Но воспоминание смыло напрочь, когда она вкрадчиво завладела его ладонью, которую он так неосмотрительно оставил на столе. Поглаживая её, она едва ли не мурлыкала:

– И уж если так наши судьбы легли рядом и переплелись, давай пройдем этот путь мести вместе. Ведь вдвоём мы сможем быть вдвое сильнее. Втрое! Что тебе мешает? Я согласна на всё...

Сердце юноши пропустило один удар.

– ...Лишь бы найти этих подонков! Давай попробуем действовать вместе, а потом, если что не так, разбежимся. Идёт?

По-уму К-Кэн понимал, что выскочить из этого капкана – костей Кошки, он уже не сможет. Но проклятое юношеское влечение здесь сыграло свою не последнюю роль. Тем более, что он и раньше посматривал на неё украдкой отнюдь не братским взглядом. И он кивнул:

– Принято. Мы – вместе... Но ты – будешь номером два! – поспешно вставил он, стараясь сохранить лицо.

Ан-ньи расцвела и вскочила, изящно поправляя платье. Как бы невзначай она потёрлась об его грудь, подливая ему мятного чая:

– Конечно-конечно, мой повелитель! Я согласна быть тенью у твоих ног.

Потом усевшись на своё место, сложила руки, как прилежная ученица и застенчиво поинтересовалась:

– А как так получилось, что ты, вроде как по манерам из дворянской семьи, а оказался в селе на самом краю Империи?

К-Кэн немного выждал, прикидывая, на сколько можно быть откровенным с девушкой, с которой путешествовал всего три дня. Потом придя к тому, что за откровенность придётся отвечать тем же, пожал плечами. Отмерив должную долю правды, он неторопливо начал свою исповедь:

– Да, моя семья принадлежит, вернее принадлежала, к одному из дворянских кланов Высокой крови. Не спрашивай к какому, это только моё дело... Император заподозрил одного из наших близких родственников в том, что он... ну в общем... неровно дышит к его дочери. Да, постоянно время от времени подобные инциденты имели место, поскольку дочь тогда не жила в резиденции с императором и славились значительным любви обилием ко всем, кто в штанах. Надо быть справедливыми, что с поличным пылкого родственника не словили. На допросе он всё, естественно, отрицал, а дочь только сладко улыбалась, закатывая глазки. Казнить прямого повода не оказалось и парня тихо выслали из столицы. А чтоб неповадно было, заодно и всех остальных Волков из этой ветви. Чтобы, наверное, не мозолили глаза при дворе, напоминая об очередном скандале... Вот так наша семья и оказалась на востоке, недалеко от Восточной заставы. Отец, как и все придворные Высокой крови, был продвинут в магии сплетений и когда место смотрителя при родовом камне Клана освободилось, его выбрали на место убитого священника. По местному обычаю мы получили посвящение и стали ему помогать. Понимаешь, как-то так получается, что родовой камень подчиняется только посвящённым. Никто другой не может до его дотронуться без перчаток и соскоблить немного камня для посвящения ребёнка, к примеру, в Волки. А ведь проглотив крошек, ребёнок гораздо меньше болеет, не подвержен моровым эпидемиям, становится немного похож на кланового животного. К примеру, так мой слух, как Волка, лучше, чем у тебя, Кошки.

Ан-ньи прищурилась:

– Зато у нас ночное зрение гораздо лучше.

– Да, а Волки бегают лучше и дальше, выносливее.

– Зато Кошки терпеливые. И лучшие жёны – из Кошек.

– Может быть и так... Так вот, когда налетели эти бешенные каратели, мы с отцом находились не в посёлке, а фехтовали у реки. Следует сказать, что принадлежность к Высокой крови мне уже тогда набила оскомы. Ведь в отличие от моих приятелей-селян, мне приходилось усиленно изучать кучу языков, наук, церемоний, умений владеть оружием и быть достойным приемником своего рода... Ну да, ближе к делу. Затем появились сумасшедшие монахи,

отец погиб, давая мне возможность сбежать... А потом ты всё знаешь: я попал на Восточную заставу. Посол императора выкрал тебя, мы с пограничниками его преследовали, и я его... уложил. Тогда в момент его смерти мне передался, как оказалось, его Дар Талисмана. Так я стал понимать огромное количество чужих языков, раны стали затягиваться значительно быстрее. А также стал слышать мысли-голос своего коня-друхганта, который тоже перешёл ко мне по наследству от посла, и конь...

Дверь резко распахнулась под ударом и вовнутрь просунулась лохматая голова. Это оказался конь К-Кэна:

«Хозяин! Слышен запах чужака. Он крадётся к харчевне. Он что, совсем придурок? Ветер-то с его стороны!»

К-Кэн кивнул и махнул ладонью, отсылая его прочь:

– Спасибо за предупреждение, – и тут же солгал, чтобы не уронить свой авторитет. – Я в курсе. Отправляйся в конюшню: всё под контролем.

Конь тряхнул гривой и сноровисто заторопился в стойлу.

Дверь захлопнулась.

Ан-ньи схватила его за руку и горячо зашептала:

– Постой! Я через птицу на нашей крыше вижу, что кто-то действительно сюда крадётся. Один. Уже рядом...

– Значит так: сидим и просто ужинаем. А там посмотрим, – скомандовал К-Кэн.

Скоро у дверей раздался шорох, она широко распахнулась, и ввалился потрёпанный мужчина, похоже, что из клана Хорька. Вытащив достаточно длинный нож, которым можно было заколоть быка, он лихо воткнул его с размаха в стол между Ан-ньи и К-Кэном. Те вздрогнули и приоткрыли рты, как бы в смятении.

Воцарилось молчание.

Затем К-Кэн вполне натурально изобразил испуг, вскинув дрожащие руки, и крестясь. А Ан-ньи вся так и затрепетала, часто хлопая ресницами, округлив губки и вытаращив глазки:

– О-о! И такой длинный ножичек. И грязный какой! Его помыть-почистить, молодой человек?

Увесистый нож, больше смахивающий на тесак, мелко дрожал, глубоко вонзившись в старые доски столешницы.

Пауза затягивалась.

Тогда К-Кэн решил закончить разыгрывать панику, откашлялся и тоже присмотрелся к ножу:

– Туповат, однако... Ты, когда его точил в последний раз, приятель?

– Дохлый Волк тебе приятель! – зарычал, вращая глазами, грабитель. – Я Кровожадный Хорёк из Ночных Убийц! Видишь на лице татуировки, деревенщина? Это обозначает, что я многих зарезал-перерезал, и могу сделать с вами всё, что захочу! Короче: коней заберу на мясо. Деньги и драгоценности на стол. И быстро! А то тут всех попишу!

К-Кэн тут же закивал, соглашаясь, и вжав голову в плечи:

– Конечно, конечно! Кто же спорит со всеми известными своей кровожадностью ужасными Ночными Убивцами? Кони стоят в стойле, забирай обоих дармоедов. Эти клячи ни на что не годны и уже надоели нам самим.

– То-то же! А то у нас, Ночных Убийц, все знают, разговор короткий! Тем более, что ты инвалид, Волк. Бравы говорят, что порезали они тебя отменно, только Близнецы и отбили, – ухмыльнулся Убийца-Хорёк, перекосив полностью синее от татуировок лицо.

Обнажив второй нож, он залихватски попытался вытащить из стола и первый. Это оказалось не так просто. Качнувшись, Хорёк едва не потерял равновесие и, положив второй нож на стол, ухватился за ручку первого. Расшатав его, он с трудом вытащил и грозно вперился

взором в хозяев. Те тут же покорно опустили головы и горестно одновременно вздохнули, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– То-то, смотрите у меня! – смиловился Убийца-Хорёк и направился к конюшне, расправив плечи. – А то мы, Ночные Убийцы, два раза не говорим. Дошло? Приготовь бумажку с разрешением на харчевню, Волк, и постереги девку. Их я заберу на обратном пути. Усёк, Волк?

К-Кэн усиленно закивал, с готовностью шаря по карманам.

Ан-ньи окликнула Хорька, держа забытый им нож кончиками пальцев на вытянутой руке:

– Уважаемый Ночной Убийца! Кровожадный! Хорёк! Вы здесь свой ужасно страшный ножичек забыли!

Грабитель резко остановился. Постоял секунду. Потом посмотрел на свои руки, развернулся, забрал нож, при этом сильно толкнув в грудь К-Кэна. Тот картинно отшатнулся, ойкнул и упал на пол, стараясь падать натурально. Это добавило ему ещё два синяка. Он застонал и притворился, что потерял сознание, даже язык вывалил изо рта для убедительности. Хорёк-Убийца вышел, недовольно ворча и грозно озираясь через плечо, выпячивая челюсть. Челюсть, однако, от этого не становилась больше, оставаясь невзрачной и слабой. А зубы редкими и жёлтыми.

К-Кэн вздохнул, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться ему в спину, и прошептал:

– Да, плохи наши дела! Ох, как плохи, если уже такой «лихой парень» до нас добрался. Что у них тут, на Дне, более представительного никого не отыскалось?

Скоро со стороны конюшни раздался стук, грохот опрокинутого ведра, лопат, вопли, стоны. А потом в таверну ввалился сам грабитель, зажимая разбитый лоб и держась за ушибленное плечо.

Но уже без ножей.

С опаской оглядываясь через плечо назад, на конюшню, он торопливо вытащил из-за голенища сапога третий клинок, на этот раз кинжал. Потом грозно уставился на Ан-ньи и К-Кэна, которые как ни в чём не бывало чинно допивали чай. К-Кэн повернул к нему голову и вполне учтиво осведомился:

– Что-то не заладилось с конинкой, приятель?

– Молчать, деревенщина! – завопил Хорёк, размазывая кровь и наставляя на К-Кэна остриё кинжала. – Гони гроши! А твою жирную тёлку-Кошку заберу с собой и попользую по-всякому!

Ан-ньи подскочила и с возмущённым восклицанием выплеснула ему в лицо горячий чай. И хорошо попала ногой с размаха Хорьку между ног. Убийца только охнул и рухнул на пол, выронив кинжал, который покатился под ноги К-Кэну.

К-Кэн поморщился, поднимая оружие и вертя его между пальцев:

– Ну, зачем ты его так грубо, Ан-ньи? Он ведь как-никак сам «Ночной Убийца»! Ему от наших коней досталось немало, а тут и ты ещё со своей агрессией. Да и по семейным драгоценностям попала... Мне и самому даже больно стало.

Ан-ньи громко заявила, уперев кулаки в бока и умело пиная распростёртого Хорька, приговаривая:

– Я тебе никакая не «тёлка», приятель!

К-Кэн добавил, когда она притомилась:

– Вот-вот. А ещё он назвал тебя «жирной Кошкой»...

– Ах так?! Тогда уж получи до полного оргазма ещё! И ещё. И ещё...

Ан-ньи подскочила и принялась за стонущего убийцу с новыми силами. В конце концов, она вывихнула о него стопу и повалилась, устав, на табурет. Вытерла пот и допила чай.

К-Кэн обречённо вздохнул, одарил её укоризненным взглядом и неохотно поднялся. Подойдя к незадачливому стонущему «убийце», присел, поднатужился и, взяв того в охапку,

выбросил за высокий порог. После чего окатил ведром воды и, щедро поколачивая палкой, прогнал до мостика на виду у вечерних зевак, нищих, бравы, матросов, дуэлянтов и калек.

Потом развернулся и вернулся за стол, где они продолжили ужин:

– Ты тоже заметила, что от крови его татуировки расплылись и поплыли? – рассмеялся он.

– Ещё бы! – всё ещё горячилась Ан-ньи. – И ещё этот наглец назвал меня...

В этот момент через открытое окно что-то влетело и покатилося по столу. Докатившись до ужинающих, оно почти упало на колени Ан-ньи. Но словно передумав, качнулось назад и остановилось.

Ан-ньи всплеснула руками от неожиданности, её глаза расширились, и она почти завизжала:

– А-а-а-а-! О-о-о-о! Великая Кошка! Да это голова «убийцы»? – ужаснулась она, вскакивая и опрокидывая чашку.

К-Кэн быстро нагнулся, протянул руку и ловко словил чашку, не дав глиняной посуде разбиться.

– И это ещё не всё, – прислушался он, нащупывая на столе рукоять кинжала Хорька.

В дверь тихо постучали несколько раз. И в помещение вошли несколько бродяг, вытирая от крови широкие мачете, больше смахивающие на короткие сабли. Самый старший, длинный и тощий, клан Волка, сипло осведомился, даже ни разу не выругавшись:

– Слышали, однако, что тут охрана требуется? Мы можем...

– Вы приняты! – тут же торопливо заверил их К-Кэн, поднимая ладони. – Нет проблем!

Ан-ньи не в состоянии оторвать взгляда от головы, которая уставилась на неё с укоризной открытыми глазами, зачастила:

– Да-да-да! Можете заступать на дежурство прямо сейчас. Соорудите себе шалаш или будку с той стороны железного мостика. И пропускать только приличных посетителей! Никаких попрошаек и немытых оборванцев. Из местных только тех детей, которые приходили днём.

– Однако, деньги на доски и прочее там... – криво ухмыльнулся и протянул грязную ладонь старый Волк.

Ан-ньи на правах хозяйки сыпанула ему в ладонь медных монет и брезгливо, одним пальчиком, отодвинула немытую, дурно пахнущую руку от себя:

– Это вам на приличную одежду: плащи, обувь и дубинки. И чтоб были чистыми! И, если можно, без этих, как их... жмуриков!

Волк отправились к дверям, криво ухмыляясь.

К-Кэн махнув рукой вслед:

– Да, и уберите, наконец, эту мерзкую голову! – возмутился он. – Хозяйке не нравятся предметы, пачкающие помещение!

Троица угрюмо кивнула косматыми, давно не мытыми головами и растворилась в сумерках, небрежно унося под мышкой с собой зловещий трофей. К-Кэн сходил к коням, задал им овса, похвалил, собрал оружие Хорька:

– Будем собирать коллекцию трофеев, – заявил он, втыкая ножи и кинжал в широкую доску над стойкой. – Что-то мне подсказывает, что скоро их станет больше. Гораздо больше... Кстати, знаешь три заповеди для выживания на Дне? Нас в детстве «просветили» беспризорники-нищие.

– Что-то типа «будь кровожадным, очень кровожадным и совсем-совсем кровожадным»?

К-Кэн рассмеялся:

– Почти угадала. Первая заповедь гласит: никому никогда и нигде не верь. Вторая: всегда помни, где находится твой нож и держи на нём руку. И третья: если в ком-то или чём-то сомневаешься, то вспомни первую заповедь.

Ан-ньи согласилась:

– Запомнила и трепещу от твоей мудрости, великий учитель!

Они рассмеялись, расслабились и занялись делом. Ан-нйи, растопырив ладони, прощупывала двойные стены и наносила мелом метки. К-Кэн заклинивал камнями скрытые двери, заложил подозрительные ходы, уходящие куда-то глубоко в тьму-тьмушую толщи скалы. Через несколько часов нелёгкой работы они перекрыли в двух местах тайные туннели, а заодно получили поверхностное понятие о целой сети ходов вдоль стен наверху, в подвале и под подвалом. Как минимум – этого было достаточно, чтобы более-менее спокойно провести ночь, не вскакивая при каждом шорохе...

Крыса.

Вечер уже вступил в свои права, едва кавалькада Магистра и его монахов-телохранителей, подъехали к заброшенной церкви, которая совсем недавно была постоянным двором. После того, как его слуга, Красавчик, убил владельца, не составило большого труда купить по дешёвке старое каменное строение и объявить его ещё одним зданием Красной церкви. А в действительности это место стало его пятнадцатой резиденцией.

Это было не простое старинное убежище какого-то неизвестного вымершего культа.

Здесь, на втором этаже, в большой комнате для церемоний, находилось древнее Место Силы. Увы, Инквизиция давно разрушила почти все остальные Места Силы в Империи, и Магистру приходилось скакать сюда из столицы несколько дней, чтобы провести обряд чёрной мессы по вызову Демона. А демон ему сейчас нужен был как никогда.

Магистр осмотрелся, поворачиваясь. Его выпуклые глаза клана Змеи внимательно осмотрели окрестности. Сорок лет – не такой большой срок для мужчины, но долгие молитвы и сидение за книгами согнули его раньше времени. По обычным меркам ему сейчас было за восемьдесят, хотя чудесный Эликсир Рая сильно замедлял старение. Захватив власть хитростью после трагической смерти своего предшественника, Магистр с большим трудом удерживался на гребне власти. Монахи при встрече прятали глаза, подчинённые лстыиво кланялись, но слуха шелестели ему вслед:

– Да он же из крестьян!

– Его заслали из соседней империи...

– Он не знает ни одного иностранного языка, пишет с трудом, без бумажки несёт абы что...

– Грубиян и хам, лжец и клятвоотступник...

– Держится только на дубинках своей чёрной гвардии...

И они все оказывались полностью правы.

Но задабривая свою карательную дружину Красной Церкви деньгами, отобранными у рядовых монахов, он пока удерживался у власти. Хотя трон под ним явно шатался...

Магистр откинул капюшон плаща. Ему страшно не хотелось проводить дьявольские ритуалы, он был труслив, как и все диктаторы, но...

«По-другому никак» – заключил он, скривившись и кусая усы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.